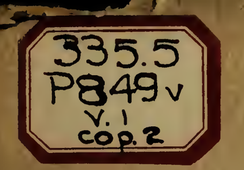

А. Н. ПОТРЕСОВЪ.

Война и вопросы международнаго демократическаго сознанія.

Выпускъ 1-й.

Книгоиздательство бывш. М. В. Попова.
Петроградъ, Невскій пр., 66.

А. Н. ПОТРЕСОВЪ.

Война и вопросы международнаго демократическаго сознанія.

Выпускъ 1-й.

Книгоиздательство бывш. М. В. Попова.
Петроградъ, Невскій пр., 66.

Дозволено военной цензурой. Петроградъ, 21 февраля 1916 г.
Тип. Петрогр. Град., Изм. п., 8 р., 20-б.

Введеніе.

Въ настоящую брошюру, составляющую первый выпускъ задуманной мною серіи работъ, подъ общимъ заголовкомъ: «Война и вопросы международнаго демократическаго сознанія», вошли три мои статьи, уже бывшія въ печати, и по времени своего написанія отдѣленныя другъ отъ друга довольно значительными сроками. Такъ, статья «Сюрпризы исторіи» появилась еще осенью 1914 года въ журналѣ «Наша Заря», тогда какъ хронологически послѣдняя статья, «Патріотизмъ и международность», увидѣла свѣтъ лишь недавно, въ сборникѣ «Самозащита».

Но при всей своей разновременности эти статьи объединены одной общей мыслью и представляютъ какъ бы звенья въ цѣпи тѣхъ исканій, которыя историческая катастрофа заставляетъ предпринимать, чтобы попытаться рѣшить вопросы, требующіе отвѣта отъ каждаго, кто усвоилъ себѣ точку зрѣнія интересовъ мірового демократическаго развитія, точку зрѣнія задачъ международной демократіи въ ея цѣломъ.

Всѣ статьи избороздила одна мысль—одинъ центральный проклятый вопросъ, изъ котораго исходятъ и всѣ другіе вопросы: отчего катастрофа, принесенная войной, превратилась въ катастрофу демократіи? Что̀ разбило общность ея сознанія? Что въ прошломъ этого «сознанія», какъ и въ прошломъ «бытія» демократіи, было причиною того, что демократія оказалась застигнутой врасплохъ тѣмъ событіемъ, которое она такъ

долго, опасаясь, ждала и къ которому, казалось, съиздавна готовилась?

«Сознанію» демократіи въ недавнемъ прошломъ—въ періодъ кануна войны—посвящена моя первая статья. Въ ней констатируется странный, по видимости, пробѣлъ въ сознаніи демократіи: въ этомъ сознаніи отсутствуетъ конкретный анализъ международнаго «соотношенія силъ» и соотношенія развитій, и изъ-за общихъ скобокъ повальнаго имперіалистскаго состязанія не выступаетъ физіономія каждаго изъ участниковъ этого состязанія въ отдѣльности во всемъ ея своеобразіи. Нѣтъ, поэтому, и выясненія доминирующей роли Германіи въ приближеніи опасности, нѣтъ пониманія того, что въ механизмѣ подготовленія катастрофической развязки функцію главной пружины выполняетъ—и можетъ выполнить *только*—капиталистически высоко-развитая страна, и что не случайно этой страной оказалась Германія, сочетающая капитализмъ послѣдней формаціи съ общественно-политическимъ укладомъ, на который дворянская военно-бюрократическая каста наложила свой сильнѣйшій отпечатокъ. А въ связи съ этимъ нѣтъ и представленія о томъ, что такой пружиной, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ часто выражаются, «оплотомъ міровой реакціи», не можетъ являться, какъ бы она этого субъективно, быть-можетъ, ни желала, никакая имперія Абдула-Гамида, или другая, съ ней сходная,—съ неразвитымъ относительно капитализмомъ и чрезвычайно развитымъ государственнымъ нестроеніемъ.

Откуда же этотъ пробѣлъ въ сознаніи?

Оттуда же, отвѣчаетъ на это вторая статья: «На рубежѣ двухъ эпохъ», откуда и пробѣлъ въ «бытіи» демократіи. Сознаніе опредѣляется бытіемъ, а бытіе демократіи послѣднихъ 45-ти лѣтъ, т.-е. какъ разъ той эпохи, къ которой относится возникновеніе и развитіе современныхъ демократическихъ партій Европы, отли-

чается квалифицированной сосредоточенностью жизни въ національно-государственныхъ рамкахъ. Благодаря ряду историческихъ условій эпохи непрерывно крѣпнетъ національно-государственное бытіе демократіи, и все равно, что нѣтъ международнаго бытія демократіи. Какъ слѣдствіе же этого—въ значительной степени призрачность существованія второго интернаціонала демократіи и почти совершенная неразработанность самыхъ основъ международной демократической политики, въ частности, забвеніе старой Марксовой методологіи въ конфликтныхъ вопросахъ и постановка этихъ вопросовъ не какъ проблемы международнаго дѣйствія, а какъ только международнымъ путемъ нормированной индивидуальной задачи для національнаго дѣйствія демократіи.

Но мы стоимъ не только передъ специфическимъ наслѣдіемъ застойной эпохи, не дававшей демократіямъ осуществлять какую-либо практику международнаго дѣйствія. Намъ приходится считаться и съ болѣе общимъ и дальше въ глубь прошлаго идущимъ явленіемъ національной индивидуализаціи демократическихъ движеній,—говоритъ третья статья: «Патріотизмъ и международность». Мы имѣемъ дѣло съ національной индивидуализаціей, какъ съ обратной стороной одного изъ основныхъ процессовъ, характеризующихъ переходъ отъ феодальнаго общества къ капиталистическому, съ обратной стороной процесса его гражданской кристаллизаціи. Гражданская же кристаллизація есть кристаллизація гражданскаго патріотизма, т.-е., укрѣпленіе демократической связи каждой дѣйственной демократіи съ тѣмъ общественно-политическимъ цѣлымъ, въ преобразованіи и въ конечномъ завоеваніи котораго она видитъ свою индивидуально-общественную историческую миссію, свою предначертанную роль.

На этомъ-то историческомъ фонѣ и разразился міровой катаклизмъ, какъ вѣроятное вступленіе изъ за-

стойной полосы въ новую конфликтную эпоху. И теперь на рубежѣ этихъ двухъ эпохъ, на границѣ стараго и новаго, демократіи предстоитъ, въ соотвѣтствіи съ своимъ нарождающимся «бытіемъ», выходящимъ за предѣлы національно-государственныхъ рамокъ, начать строить новую тактику, закладывать основы подлинной международной демократической политики.

Обѣ послѣднія статьи, вошедшія въ настоящую брошюру, подходятъ къ рѣшенію этой задачи, намѣчая тѣ общіе принципы, которые должны лечь въ основу такой грядущей политики.

Эта политика должна быть политикой не національныхъ организацій демократіи, какъ это было до сихъ поръ, а политикой той высшей инстанціи, въ которой всѣ подобныя національныя организаціи нашли свое дѣйствительное объединеніе.

Политика высшей инстанціи—международной властной воли демократіи, должна одновременно быть и политикой самостоятельнаго дѣйствія міровой демократіи, и въ цѣляхъ закрѣпленія этого дѣйствія—политикой того использованія неоднородности современнаго буржуазнаго общества, которое являлось исконнымъ методомъ демократической тактики въ національно-государственныхъ границахъ, а теперь, подкрѣпленное примѣрами Маркса, Лассаля, Энгельса, Каутскаго, перенесется на міровую арену и станетъ такой же необходимой принадлежностью и тактики международной. Политика же использованія неоднородности современнаго буржуазнаго общества и есть та политика, которая признаетъ возможность и желательность—въ опредѣленныхъ случаяхъ, съ опредѣленно отграниченнымъ заданіемъ—такъ называемой «оріентаціи» въ международныхъ конфликтахъ.

Далѣе, политика международной властной воли должна быть политикой *интернаціонализма*, т.-е., одинаково далекой, какъ отъ политики *націонализма*, ста-

вящей интересы и задачи національнаго или національно-государственнаго цѣлаго своимъ верховнымъ принципомъ,—такъ и отъ политики *антинаціональнаго космополитизма*, для которой не существуетъ законныхъ интересовъ и правъ національно-государственныхъ индивидуальностей, а, стало-быть, нѣтъ и защиты такихъ интересовъ, а, стало-быть, нѣтъ и признанія начала необходимой самообороны.

Подлинно интернаціональная демократическая политика защищаетъ интересы всякаго національнаго цѣлаго, разъ этому цѣлому грозитъ попраніе его элементарныхъ интересовъ и правъ, тѣмъ болѣе когда подымается вопросъ о нанесеніи серьезнаго ущерба его самостоятельному существованію. Но интересы и права національнаго цѣлаго не являются для политики интернаціонализма предѣльнымъ понятіемъ; она и ихъ подчиняетъ интересамъ мірового развитія, тѣмъ конечнымъ задачамъ и цѣлямъ, которыя освѣщаютъ всю ея повседневную дѣятельность, которыя всецѣло опредѣляютъ собою линію ея устремленія.

Вотъ общественно-политическій выводъ изъ статей настоящей брошюры; вотъ схема того синтеза методологіи Маркса и всѣхъ пріобрѣтеній послѣдующихъ лѣтъ, о которомъ говорится въ статьѣ: «На рубежѣ двухъ эпохъ», и который старается нѣсколько ближе опредѣлить статья «Патріотизмъ и международность».

Таковъ первый выпускъ предлагаемой читателю серіи, начинающійся съ анализа причинъ, почему демократія не могла одолѣть испытанія міровой катастрофы, и кончающійся посильной попыткой намѣтить приложеніе точки зрѣнія марксистскаго интернаціонализма къ міровой демократической политикѣ.

Отсюда непосредственный переходъ къ сравненію точки зрѣнія марксистскаго интернаціонализма съ точкой зрѣнія, пріобрѣтающей подъ впечатлѣніемъ войны большую популярность въ Россіи, съ точкой зрѣнія,

какъ я ее назвалъ, антинаціональнаго космополитизма.

Интернаціонализмъ и антинаціональный космополитизмъ —тема второго выпуска этой серіи.

На этомъ я могъ бы закончить свое предисловіе—введеніе, резюмирующее и, такъ сказать, подъитоживающее содержаніе настоящей брошюры. Но меня заставляетъ еще остановиться на себѣ та, болѣе чѣмъ странная, критика, которой подверглись статьи, вошедшія въ брошюру, и въ немногихъ словахъ отдать должное этой критикѣ.

Въ февральскомъ номерѣ журнала «Лѣтопись» В. А. Базаровъ, въ статьѣ «Усложненіе жизни—упрощеніе мысли», вкратцѣ передаетъ мой анализъ второго интернаціонала демократіи въ статьѣ: «На рубежѣ двухъ эпохъ», и затѣмъ замѣчаетъ:

> «Такъ писалъ А. Н. Потресовъ въ январѣ 1915 г. А въ январѣ 1916 года, въ сборникѣ «Самозащита», онъ уже съ «принципіально-инымъ» чувствомъ, «глубоко несходнымъ» съ его прошлогодними настроеніями, подходитъ къ вопросу о старыхъ формахъ международности. Годъ раздумья совершенно примирилъ его съ этими «ублюдочными» и «межеумочными» формами; его вдохновляетъ теперь не международная, а національно-государственная гражданственность. «Международность», замѣчаетъ онъ въ тонѣ глубокой резиньяціи, это еще не эмбріонъ, «это даже еще не развитіе, это—пока что—предисловіе къ развитію».
>
> Въ Европѣ все обстоитъ благополучно: «предисловіе» мало по малу доползетъ до «введенія», «введеніе» до нѣкоторыхъ «предварительныхъ замѣчаній» и такъ далѣе, въ разумной постепенности, вплоть до проникновенія массъ «не безвольной, какъ было до сихъ поръ, а надѣленной творческой волею международностью»—черезъ патріотизмъ къ международности».
>
> «Это безмятежно-ясное пріятіе дѣйствительности такъ соблазнительно, оно съ такой граціозной легкостью обходитъ проклятые вопросы современности, что трудно не поддаться его обаянію. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему ломать голову надъ тѣми противорѣчіями демократическаго движенія, ко-

торыя такъ отчетливо вскрыла война? Не проще ли брать жизнь, какъ она есть, отдаваясь всѣмъ чувствомъ, всѣмъ помышленіемъ своимъ наличнымъ формамъ гражданственности, и спокойно ожидая, пока исторія подготовитъ новыя, болѣе широкія формы?» (Стр. 164—165).

Читатель, который прочтетъ настоящую брошюру, какъ и резюмирующее ее введеніе безъ труда оцѣнитъ стоимость такого рода «критики» В. А. Базарова и всю мѣру вниманія и добросовѣстности, которую проявилъ этотъ критикъ при разборѣ настоящихъ статей.

Но и эта мѣра «добросовѣстности» В. А. Базарова оказалась превзойденной—имъ же самимъ превзойденной въ той же пресловутой статьѣ.

Въ этой статьѣ онъ говоритъ нѣчто худшее, не называя меня, но задѣвая, конечно, и меня, ибо онъ говоритъ вообще объ участникахъ сборника «Самозащита», въ которомъ появилась впервые моя статья «Патріотизмъ и международность». Онъ говоритъ на стр. 162 февр. книжки «Лѣтопись», что «участники сборника «Самозащита» не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ», т. е. на вопросъ, «цѣлесообразны ли коренныя реформы въ настоящее время, не слѣдуетъ ли ихъ отложить, даже при наличности силъ, достаточныхъ для ихъ осуществленія».

И не только не даютъ, по мнѣнію Базарова, но, повидимому, таятъ въ себѣ отвѣтъ отрицательный: «Но ихъ ближайшіе единомышленники неоднократно и въ самой торжественной формѣ заявляли, что теперь не время думать о какихъ либо существенныхъ перемѣнахъ, что неумѣстны даже частичныя мѣропріятія, направленныя къ улучшенію положенія демократіи,—разъ они хоть на самый короткій срокъ нарушаютъ планомѣрное функціонированіе существующихъ общественныхъ организацій».

Эти «ближайшіе единомышленники», надо полагать, кадеты и другіе сторонники «прогрессивнаго блока».

Когда я читалъ эти строки, мнѣ стало грустно за В. А. Базарова. Я его зналъ до сихъ поръ, какъ одного изъ немногихъ марксистовъ большевистскаго толка, съ которымъ было возможно разговаривать по существу, который не имѣлъ обыкновенія придерживаться традиціоннаго Ленинскаго принципа—«цѣль оправдываетъ средства», и не считалъ достойнымъ своей политической чести осложнять дѣйствительно глубокія разногласія завѣдомой клеветой. А теперь — онъ сознательно, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, наклеветалъ на участниковъ сборника, на меня въ томъ числѣ.

Ибо я утверждаю, если даже отвлечься отъ совершенно ясныхъ указаній самого сборника «Самозащита», что Базарову документально извѣстно противоположное тому, что онъ говоритъ объ участникахъ этого сборника; онъ знаетъ, конечно, тѣ коллективныя заявленія, которыя выражаютъ точку зрѣнія участниковъ сборника.

И тѣмъ не менѣе, онъ это все же говоритъ...

А. Потресовъ.

21 марта 1916 г.

Нѣкоторые сюрпризы исторіи.

Ее всѣ ждали, и всѣхъ она застала врасплохъ—эта развязка исторіи. И тѣхъ, кому кажется, что они исторію дѣлаютъ, и тѣхъ, кто больше привыкъ принимать на себя ея удары. Ибо конкретная развязка совсѣмъ не то, что развязка умопостигаемая, разсчитанная мыслью публицистовъ и ученыхъ или входящая конечной цѣлью въ планы дипломатовъ и политиковъ.

Въ ней—въ этой развязкѣ—слишкомъ много неподдающагося предварительному учету, того, что, можно назвать откровеніемъ, что ощущается, какъ историческая импровизація, а на дѣлѣ — является процессомъ выявленія силъ, обычно характеризующимъ катастрофическіе моменты исторіи. Ранѣе скрытое выходитъ въ такіе моменты наружу, то же, что было открыто, на поверхности жизни, пріобрѣтаетъ иныя очертанія, получаетъ другую расцѣнку, потому что измѣнилась вся расцѣниваемая совокупность явленій и сами явленія обернулись къ наблюдателю не той стороной, которой они до тѣхъ поръ къ нему были повернуты.

Откровеніе новизны, присущее катастрофическимъ процессамъ вообще, даетъ себя, естественно, съ чрезвычайной силою знать въ настоящей развязкѣ, ибо эта развязка есть величайшая—міровая—катастрофа, изъ когда либо бывшихъ въ исторіи. Я бы даже сказалъ: новизна составляетъ самую отличительную, самую поражающую черту во всемъ томъ, что сейчасъ происходитъ. И эта новизна—безъ сомнѣнія—окажется въ ближайшемъ будущемъ центромъ, вокругъ котораго ста-

нетъ обращаться общественная мысль. Отъ новизны будутъ отправляться и всѣ переоцѣнки прошлаго, и всѣ прогнозы грядущаго. Она явится критеріемъ истины, такой же въ своемъ родѣ непререкаемой и внѣвременной цѣнностью, какими въ предыдущую эпоху представлялись явленія, теперь смѣненныя этой новизной.

Но именно поэтому особенно и надо приступить къ изученію всей данной категоріи новыхъ явленій, поставить ее въ связь со старымъ, которое ушло или уходитъ, вдвинуть ее въ перспективу исторіи. Новое оказалось неожиданнымъ—тѣмъ больше, стало быть, надо усилій, чтобы понять это новое и объяснить его наступленіе.

Въ настоящей статьѣ я не берусь намѣтить это новое во всемъ его охватѣ и многообразіи. Я постараюсь лишь разобраться въ немногихъ частяхъ этого новаго, представляющихъ существенный интересъ и существенную важность съ точки зрѣнія демократіи, подъ угломъ тѣхъ цѣлей, которыя ею поставлены.

И въ этомъ смыслѣ двѣ группы явленій заслуживаютъ, мнѣ кажется, нашего спеціальнаго вниманія: это, во первыхъ, сама война и ея участники, и во вторыхъ, то потрясеніе, которое принесла эта война международной демократіи...

Едва ли въ исторіи было когда либо другое столкновеніе народовъ, которое бы заранѣе было въ такой степени обсуждено, чьи дѣйствующія силы такъ обстоятельно подсчитаны, чьи шансы такъ измѣрены. Объ общихъ причинахъ, вызывавшихъ эти ожиданія и опасенія — о колоніальной политикѣ европейскихъ государствъ и ихъ взаимномъ промышленномъ и политическомъ соперничествѣ — накопилась за послѣдніе годы богатѣйшая литература. Казалось, все было ясно. Особенно ясно съ тѣхъ поръ, какъ начали развертываться съ средины прошлаго десятилѣтія событія на балканскомъ полуостровѣ и имперіалистское единоборство

Англіи съ Германіей довершило раздѣленіе Европы на двѣ другъ другу противостоящія группировки—тройственнаго согласія и тройственнаго союза.

И яснѣе всего положеніе вещей, казалось, представлялось демократіи, ибо ея критическій взоръ могъ свободнѣе и глубже проникать въ современную механику великодержавной политики, чѣмъ это было возможно для буржуазіи и ея національстически окрашенныхъ идеологовъ. И, однако, вся эта критическая работа демократіи, вся ея предыдущая оцѣнка международной общественно-политической коньюнктуры не подготовила насъ ни въ малой мѣрѣ къ тому букету сюрпризовъ, который преподнесла всему міру война.

Война и только война впервые зафиксировала все значеніе, всю силу, всю опасность того типа общественно-политическаго развитія, который представляетъ современная прусская Германія. Война и только война заставила выдѣлить этотъ типъ изъ общаго фона капиталистической государственности, съ ея непрерывными вооруженіями и колоніальными захватами. Разумѣется, нѣтъ ни малѣйшей надобности идеализировать этотъ общій фонъ и затушевывать радикальное отрицаніе его демократіей. Но все же соблюденіе перспективы требуетъ признанія, что у прусско-германскаго типа, кромѣ общихъ грѣховъ современнаго развитія, есть еще и свои, спеціальные, сверхсмѣтные грѣхи, рожденные взаимоприспособленіемъ сильнѣйшей въ мірѣ дворянской, военно-бюрократической касты съ запросами стремительно ростущаго капитализма, — капитализма эпохи, когда капитализму становится нарочито тѣсно у себя дома и его поиски рынковъ отливаются въ авантюристскую внѣшнюю политику, эту постоянную угрозу войной.

Именно взаимоприспособленіе этихъ двухъ общественныхъ формацій и имѣло своимъ результатомъ тотъ жизненный строй, который сумѣлъ максимально соче-

тать движенiе съ застоемъ, высшее напряженiе капиталистическаго развитiя съ модернизацiей феодализма. Феодализмъ style moderne одновременно служилъ и господствовалъ; охранялъ это развитiе отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и, охраняя, напоялъ его своимъ духомъ, диктовалъ свои методы, подчинялъ своей волѣ. Кулакъ подновленнаго стараго режима, беря силу изъ нѣдръ капитализма и зажимая въ своихъ тискахъ его носителей—буржуазные классы, былъ символомъ какъ для внутренняго, такъ и для внѣшняго обихода этой своеобразной общественности. Внутри — онъ создалъ порядокъ, который подобно гранитной скалѣ противостоялъ полвѣка напору величайшаго народнаго движенiя; во внѣ онъ служилъ постояннымъ стимуломъ для всѣхъ конкурирующихъ вооруженiй, центральнымъ очагомъ, всегда грозящимъ пожаромъ, и въ концѣ концовъ, его дѣйствительно зажегшимъ.

Но развѣ, скажутъ намъ, неизвѣстна была эта система закованнаго въ броню кулака и до начала войны? Развѣ германскiй милитаризмъ не пользовался заслуженной репутацiей еще съ эпохи Бисмарка и Мольтке? Развѣ колонiальные планы Вильгельма и такъ называемый «маринизмъ» не являлись объектомъ постояннаго вниманiя политическихъ круговъ? И, наконецъ, развѣ трагедiя безсилiя народа въ Германiи не заботила съиздавна ея демократiю, какъ и демократовъ всѣхъ странъ?

Правильно. Эти части картины были общеизвѣстны, только—не улавливалось самой картины, того суммированнаго итога, который и далъ возможность осмыслить слагаемыя въ ихъ совокупномъ значенiи, понять систему въ ея цѣломъ, въ ея исторической внутри-германской и международной роли въ Европѣ. Онѣ были извѣстны — эти части—и, въ тоже время, точно и совсѣмъ неизвѣстны: ни удѣльный вѣсъ и направленiе внѣшней политики Германiи, ни значенiе всего специ-

фическаго уклада германской общественности для культуры страны, для ея демократіи.

Вѣдь, вотъ, казалось бы, внѣшняя политика Германіи на протяженіи десятковъ лѣтъ подвергалась достаточно критической оцѣнкѣ со стороны демократіи; казалось бы, именно здѣсь можетъ меньше всего быть мѣста иллюзіямъ и ошибкамъ, и, однако, какъ разъ на внѣшней политикѣ споткнулась германская демократія и совершила тотъ свой промахъ, который хуже любого преступленія. Она голосовала за военные кредиты, потому что ей германскимъ правительствомъ внушена была мысль, будто на Германію напали, будто восточная и западная Пруссія наводнены уже казаками и дѣло идетъ не о продолженіи и достойномъ увѣнчаніи многолѣтней капиталистически - юнкерской политики расширенія Германіи и упроченія ея рынковъ, а объ оборонѣ страны и спасеніи ея національнаго существованія.

На первый взглядъ, эта мотивированная поддержка войны представляется какимъ то скверными анекдотомъ, приключившимся съ величайшей партіей въ мірѣ; анекдотомъ, который былъ бы смѣшенъ, если бы не былъ такъ безконечно грустенъ, и который во всякомъ случаѣ остается необъясненной загадкой. Но это совсѣмъ не анекдотъ, а явленіе глубоко знаменательное, имѣющее много сторонъ и еще ждущее безпристрастной оцѣнки.

Если для части демократіи внушенная германскимъ правительствомъ иллюзія была въ сущности чрезвычайно желанной находкой и какъ нельзя болѣе отвѣчала ея скрыто имперіалистскимъ тенденціямъ, если широкія рабочія массы здѣсь, какъ и всюду, проявили полнѣйшую неосвѣдомленность въ вопросахъ внѣшней политики и тѣмъ легче зажглись элементарнымъ патріотизмомъ, то ни того, ни другого нельзя, разумѣется, сказать о другой части организованной демократіи, го-

дами своей дѣятельности прочно закрѣпившей за собой репутацію авангарда, неизмѣнно высоко державшаго знамя рабочей солидарности—братства народовъ.

Почему же и *эта* демократія могла такъ легко поддаться на удочку оффиціальной безсмысленной лжи? Конечно, на эту демократію давила волна массоваго національнаго воодушевленія; конечно, оказывалъ дѣйствіе и напоръ окрѣпшаго въ водоворотѣ событій крыла ревизіонистовъ. Но было и нѣчто другое. Сказалось и отсутствіе у демократіи соотвѣтствующаго дѣйствительности представленія о роли и значеніи прусско-германской монархіи въ назрѣвавшихъ европейскихъ событіяхъ.

Въ этомъ нетрудно убѣдиться, если пересмотрѣть за послѣдніе годы, что писалось этой самой демократіей, когда вниманіе ея неоднократно приковывалось въ взаимнымъ отношеніямъ европейскихъ государствъ и вопросъ о томъ, что дѣлать пролетаріату для предотвращенія грозящей опасности общеевропейской войны сталъ жгучимъ и больнымъ, нуждающимся въ безотлагательномъ рѣшеніи. Лучшіе политическіе умы не только германской и австрійской, но и всей міровой демократіи—Каутскій, Гильфердингъ, Бауеръ—съ разныхъ сторонъ подходили къ тому циклу вопросовъ, который выдвигался на очередь возроставшей изъ года въ годъ агрессивностью имперіалистской политики, и подвергали обсужденію и проблему частичнаго разоруженія, ставшую актуальной послѣ извѣстнаго предложенія англійскаго правительства германскому, и положеніе на балканскомъ полуостровѣ, и возобновленіе тройственнаго союза, и возможное въ грядущемъ участіе Россіи. Они анализировали глубже, они лучше, чѣмъ всѣ буржуазные изслѣдователи, имѣли возможность, свободные отъ шоръ національзма, смотрѣть въ корень вещей и, видя причины, предвидѣть и слѣдствія.

И все же—они проглядѣли Германію, проглядѣли, что не балканскій задоръ австрійскихъ политиковъ, какъ бы шуменъ онъ ни былъ, не панславистскія мечты извѣстныхъ русскихъ круговъ, не имперіализмъ Великобританіи и, конечно, меньше всего запоздалые отголоски французскаго реванша, являлись угрозой европейскому миру. Это были—словъ нѣтъ—серьезныя симптоматическія явленія, но не они опредѣлили собою кровавую развязку, а то направленіе въ имперіалистской политикѣ Германіи, которое исключало компромиссы и было цѣликомъ заострено на борьбу, на господство, на подавленіе всѣхъ, стоящихъ ему на пути.

Если угодно, это было то же рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ капиталистическомъ развитіи Германіи, но это было не единственное изъ возможныхъ рѣшеній, а лишь то, которое диктовалось господствующей капиталистически-юнкерской кликой, которое соотвѣтствовало ея общественно-политическимъ заданіямъ, ея классовой психологіи. Каутскій и его единомышленники это прекрасно понимали, недаромъ выдвигая другое рѣшеніе и монополизаторскимъ тенденціямъ германскаго имперіализма противопоставляя соглашеніе трехъ европейскихъ державъ—Германіи, Франціи и Англіи, т. е. своего рода великодержавный трестъ, распредѣляющій свои сферы вліянія и достаточно сильный, чтобы не нуждаться болѣе для поддержанія своей воли въ постоянномъ винтѣ вооруженій. И они знали при этомъ, что не Англія мѣшаетъ соглашенію съ Германіей,—Англія уже доказала на дѣлѣ свою готовность къ сближенію, и не Франція — значительное число французскихъ буржуазныхъ депутатовъ, присутствовавшихъ на бернской франко-германской конференціи 1913 г., свидѣтельствовало о силѣ примирительныхъ тенденцій во Франціи; а именно Германія въ лицѣ ея господствующихъ классовъ.

Но Каутскій и его единомышленники не дѣлали

изъ этихъ предпосылокъ тѣхъ выводовъ, которые слѣдуютъ изъ нихъ, которые въ нихъ *уже* заключаются; что изъ западно и средне-европейскихъ державъ, въ средѣ такъ-называемой культурной Европы одна лишь Германія — при настоящихъ историческихъ условіяхъ — являлась препятствіемъ къ прочному миру, что только отъ нея зависѣлъ исходъ дилеммы—пойдетъ ли развитіе Европы черезъ міровую катастрофу или благодаря своевременно заключенному компромиссу окажется возможнымъ для Европы, въ процессѣ внутренняго, въ каждой данной государственной организаціи, столкновенія общественныхъ силъ, поставить во всемъ ихъ объемѣ и разрѣшить цѣлый рядъ задачъ соціальныхъ и политическихъ, какъ и задачъ національнаго самоопредѣленія.

Если бы Германія пожелала вступить на этотъ путь, если бы она *смогла* пожелать, то никакая держава ни на Западѣ, ни на Востокѣ не посмѣла бы нарушить мира Европы и не имѣла бы возможности враждебно коснуться ни одного изъ многочисленныхъ результатовъ этой западно-европейской концентраціи. Бѣда была только въ томъ, что исторически данная Германія этого пожелать не могла, что ея традиціонной политикѣ, ея національному существу, какъ оно сложилось на протяженіи 19-го вѣка, это рѣшеніе проблемы нисколько не соотвѣтствовало. Чтобы этотъ поворотъ сталъ возможнымъ, ему должно было предшествовать коренное преобразованіе во внутри-германскихъ отношеніяхъ, замѣна у власти однихъ общественныхъ элементовъ другими, демократизація этой власти. Иначе говоря, вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи международной политики Европы былъ неотдѣлимъ отъ вопроса о внутреннемъ развитіи Германіи и постановка на очередь задачи разоруженія и мира предполагала постановку въ международномъ масштабѣ и задачи переустрой-

ства Германіи, ликвидаціи въ ней господства прусско-германскаго юнкерства.

Къ сожалѣнію, этого то сознанія связи обѣихъ задачъ и недоставало у Каутскаго, еще меньше могло его быть у германской демократіи въ ея цѣломъ. Не было его и у международнаго представительства демократіи, какъ это съ совершенной очевидностью явствуетъ хотя бы изъ рѣшенія базельскаго съѣзда, который былъ спеціально посвященъ вопросу о предупрежденіи міровового конфликта и собирался во время первой балканской войны въ ноябрѣ 1912 года. Этотъ съѣздъ возложилъ цѣлый рядъ обязательствъ на демократію балканскихъ государствъ; онъ намѣчалъ, какъ ближайшую задачу демократіи Австріи и Венгріи, «продолженіе борьбы противъ нападенія придунайской монархіи на Сербію»; онъ спеціально коснулся вопроса о внутреннемъ преобразованіи одного — не германскаго — государства, какъ имѣющемъ существенное значеніе для дѣла обезпеченія мира, но онъ и не подумалъ—съ этой же точки зрѣнія—коснуться внутренняго положенія Германіи.

Германская разновидность имперіализма, опирающаяся на милитаризацію германской государственной и общественной жизни, еще не была для международной демократіи той центральной силой, которая надвигала на Европу и въ концѣ концовъ надвинула на нее опасность общеевропейской войны. И только тогда, когда война уже вспыхнула, она озарила своимъ свѣтомъ и руководящую роль Германіи въ развитіи событій, и связь, существующую между этою ролью и внутреннимъ строемъ германской общественной жизни. Только тогда Вандервельде могъ впервые поставить вопросъ, до тѣхъ поръ въ международномъ демократическомъ общеніи не имѣвшій права гражданства, вопросъ о германскомъ милитаризмѣ, какъ угрозѣ всей демократіи Европы.

Но и сейчасъ эта Вандервельдовская концепція ка-

жется многимъ странной, незаконной, продиктованной естественнымъ національнымъ субъективизмомъ ея автора и не соотвѣтствующей общему отношенію демократіи къ милитаризму всѣхъ государствъ, а не одной лишь монархіи Гогенцоллерновъ. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ германскій милитаризмъ представляетъ собою исключеніе изъ правила и справедливо ли именно данный милитаризмъ дѣлать козломъ отпущенія за грѣхи, присущія всей европейской цивилизаціи?

Лучшимъ отвѣтомъ на эти недоумѣнные вопросы можетъ послужить намъ анализъ, который не разъ давался германскому милитаризму германскою же демократическою мыслью. Въ работахъ Каутскаго нѣтъ того вывода, къ которому теперь пришелъ Вандервельдъ, но въ нихъ имѣются для этого вывода всѣ необходимыя предпосылки.

Такъ въ его статьяхъ 1906 и 1907 годовъ (см. серію статей подъ заголовкомъ: «Die Situation des Reiches» и «Ausländische und deutsche Parteitaktik») подробно и на фактахъ германской исторіи послѣднихъ столѣтій, и на сравнительномъ разборѣ общественной конъюнктуры Германіи съ одной стороны и Англіи, Франціи и Австріи съ другой, прослѣживается и объясняется тотъ исключительный характеръ германскаго милитаризма, который является выраженіемъ ничѣмъ не смягченнаго господства въ Германіи Пруссіи, и въ Пруссіи ея прусскаго или остэльбскаго юнкерства.

Если въ Англіи, Франціи и Австріи, по мнѣнію Каутскаго, различныя причины привели тѣмъ не менѣе къ одному результату, къ тому, что арміи этихъ странъ не являются въ нихъ орудіями, которыми можно по произволу распоряжаться противъ народа, и поэтому государственная власть не ощущаетъ себя совершенно отъ народа независимой, то иное въ Германіи: въ Германіи вѣковой процессъ ея національнаго объединенія подготовилъ почву для неограниченнаго господства

именно прусскаго юнкерства, имѣющаго въ арміи и въ тѣсно связанной съ ней бюрократіи абсолютно надежныя средства для достиженія своихъ цѣлей. «Духъ милитаризма, благодаря столѣтней блестящей традиціи войска, построеннаго на основѣ всеобщей воинской повинности, проникъ въ прусскій народъ глубже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой современной странѣ. Традиціи этого духа прочно вкоренились и лишь медленно и съ трудомъ могутъ быть въ народѣ расшатаны... если только чрезвычайныя событія разомъ не подорвутъ престижъ арміи въ глазахъ индифферентныхъ массъ».

Итакъ, «милитаристски настроенный народъ поставляетъ солдатъ», а этими солдатами «командуетъ офицерство, образующее касту, сплоченную, какъ нигдѣ, ведущую, однако, не самодовлѣющее существованіе, но выступающее плотью отъ плоти юнкерства, т. е. того класса, который въ государствѣ господствуетъ. Прусское юнкерство, какъ ни одно другое, проникнуто общимъ духомъ и солидарностью съ правительствомъ и господствующими классами, оно съ ними одно сердце и одна душа».

Рядомъ съ арміей въ Пруссіи имѣется и другая мощная сила—бюрократія. Но эта сила «постоянно находится въ полнѣйшей зависимости отъ юнкерства и въ подчиненіи арміи, ощущающей себя въ государственномъ организмѣ высшею властью». «Даже въ среду профессуры глубоко просачиваются эти чувства подчиненія и зависимости. Въ этой средѣ нѣтъ тѣхъ демократическихъ или оппозиціонныхъ тенденцій, которыя мы встрѣчаемъ у отдѣльныхъ находящихся на службѣ государству интеллигентовъ Австріи, Франціи и Англіи. Въ Пруссіи вся интеллигенція сплошь, получающая вознагражденіе отъ государства, стремится не только по долгу службы, какъ въ другихъ государствахъ, но и съ полнѣйшей убѣжденностью, даже съ энтузіазмомъ, подавлять всякое проявленіе или усиле-

ніе самостоятельности пролетаріата и народныхъ массъ вообще. Прусскіе судьи, какъ и прусскіе учителя, создали въ этомъ направленіи цѣлую систему въ Германіи, но эта система не находитъ себѣ подобія за предѣлами германской пограничной черты во всемъ цивилизованномъ мірѣ».

Такова германская общественность, насквозь пропитанная духомъ милитаризма,—въ изображеніи Каутскаго. Каутскому нужна была эта картина въ спеціальныхъ цѣляхъ оправданія передъ Жоресомъ германской демократической тактики, объясненія безсилія величайшей въ мірѣ демократической организаціи изъ условій, въ которыя поставила эту организацію единственная въ своемъ родѣ структура общественныхъ отношеній, отличающая современную Германію.

Но намъ эта картина говоритъ въ тоже время и о томъ, что на основѣ подобной структуры должна была вырости и соотвѣтствующая ей международная политика Германіи—та политика, которая и являлась перманентной и все ростущей угрозой европейскому миру.

Конечно, имперіализмъ не знаетъ границъ: онъ явленіе въ высокой степени внѣнаціональное, характерное для всѣхъ государствъ съ развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе имперіалистскую политику, т. е. политику завоеванія и расширенія рынковъ, политику колоніальныхъ захватовъ, каждое государство ведетъ на свой образецъ,—сообразно, во-первыхъ, своимъ внутреннимъ общественно-политическимъ особенностямъ, и во-вторыхъ, сообразно тому положенію, которое оно занимаетъ на географической картѣ міровой экономики. Естественно, что милитаристская par excellence общественность Германіи воспроизводила себя и въ своей имперіалистской политикѣ,—тѣмъ болѣе, что и географія міровой экономики работала въ томъ же направленіи. Она толкала Германію къ тому, чтобы не мирнымъ путемъ, а при посредствѣ войны искать выхода изъ тѣхъ

затрудненій, въ которыя ее ставили неблагопріятныя условія ея международнаго положенія.

Любопытно, что и для этого тезиса намъ даетъ матеріалы все та же германская демократическая литература. Тотъ же научный органъ германской демократіи, въ которомъ напечатаны вышеупомянутыя статьи Карла Каутскаго, помѣстилъ въ свое время и интересную статью К. Эмиля («Der deutsche Jmperialismus und die innere Politik»),—основной выводъ которой гласилъ: *«безъ европейской войны невозможно колоніальное расширеніе Германіи»*.

Невозможно потому, что все колоніально-существенное для Германіи уже находится во власти другихъ государствъ и все развитіе международныхъ отношеній Европы за послѣдніе годы ведетъ къ «окруженію» Германіи кольцомъ враждебныхъ ей государствъ. Ея капиталистическій натискъ на Южную Америку—на Бразилію въ особенности—разбился о сопротивленіе Соединенныхъ Штатовъ. Ея китайская авантюра закончилась сближеніемъ Японіи, Россіи и Англіи. Ея средиземноморскіе планы (марокккскій инцидентъ) разрѣшились комбинаціей Англіи, Франціи и Испаніи. И наконецъ, ея движеніе въ Среднюю Азію вызвало тотчасъ же реакцію англо-русскаго соглашенія. Трагедія поздно пришедшаго упирается въ дилемму: или война, или отказъ отъ имперіализма. Но отказъ отъ имперіализма не умѣщается въ головѣ какой бы то ни было изъ современныхъ партій буржуазіи. Онъ возможенъ лишь для одной демократіи...

Казалось, такимъ образомъ, что у германской демократіи были всѣ данныя для включенія вопроса о Германіи въ число тѣхъ проблемъ, которыя естественно должны были озабочивать не только германскую, но и всю міровую демократію. Казалось, заостреніе вопроса о германскомъ режимѣ становилось на очередь дня, оно дѣлалось насущно необходимымъ по мѣрѣ того, какъ

надвигалась грозовая туча войны. Рѣшительный успѣхъ германской демократіи надъ этимъ режимомъ былъ единственнымъ способомъ уклониться отъ кровавой развязки, послѣдней возможностью мирнаго развитія Европы.

Но къ величайшему несчастію какъ для германской, такъ и для всей міровой демократіи, къ величайшему горю для всего человѣчества, это были только элементы проблемы, разсыпанные тамъ и сямъ по страницамъ литературы демократіи, или копошившіеся гдѣ то въ мозгу ея отдѣльныхъ представителей. Они не успѣли или не могли еще слиться въ одинъ образъ властной, руководящей идеи, не стали достояніемъ практики массъ, изъ кабинета не вышли на улицу. Международныя представительства демократіи, какъ и съѣзды демократіи германской, этой идеи не знали. Немезида не заставила себя ждать—въ роковой часъ міровой катастрофы.

На рубежѣ двухъ эпохъ.

Въ настоящее время еще трудно подсчитать всѣ возможныя и вѣроятныя послѣдствія европейской катастрофы. Одни уже отчетливо намѣтились, но другія скрыты въ туманѣ грядущаго. Ясно только одно: однимъ изъ крупнѣйшихъ послѣдствій катастрофы окажется, внѣ всякаго сомнѣнія, ея дѣйствіе на демократію, на современную демократію, которая ставитъ себѣ міровыя задачи.

Міровыя задачи современная демократія ставитъ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ живетъ на политической сценѣ, съ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, она ихъ ставитъ по примѣру старой демократіи конца 18-го и начала 19-го вѣка, тоже—по своему—задававшейся общеевропейскими цѣлями, и эту свою международность оказавшейся вынужденной передать не своимъ, по спеціальной принадлежности, законнымъ преемникамъ—позднѣйшей демократической буржуазіи, а именно демократіи новаго типа, зачатой въ буряхъ февральскихъ и мартовскихъ дней.

Съ послѣдними могиканами и, пожалуй, эпигонами этой старой европейской демократіи Россія знакома по Герцену. Большой художникъ далъ намъ рядъ ихъ портретовъ, нарисованныхъ широкими мазками, немного иронически, но все же часто любовно. Мадзини, Ледрю-Ролленъ, поляки, венгерцы... Въ ихъ лицѣ угасала волна, имѣвшая своимъ отправнымъ толчкомъ размахъ великой французской революціи. Но только то, что играючи, легко давалось стихіи первоначальнаго

подъема, къ эпохѣ упадка успѣло превратиться въ потуги фантастовъ, въ безсильные планы «европейскихъ» и иныхъ «комитетовъ».

Международность деклараціи правъ человѣка, французскихъ освободительныхъ идей, являлась реальной силой, которая была засвидѣтельствована коалиціонной борьбой тогдашнихъ европейскихъ монархій. На поляхъ битвъ она получила свой кровавый дипломъ и, когда наполеоновская эпопея завершила, наконецъ, свой путь черезъ Европу,—и свое самое торжественное признаніе устами враговъ: неписанному международному союзу освободительныхъ идей былъ противопоставленъ по всей формѣ заключенный договоръ на Вѣнскомъ конгрессѣ—«священный союзъ» охранителей.

Такой или отдаленно подобной реальной силы уже не было у международности либеральной и радикальной демократіи половины 19-го вѣка. Да и тощей къ тому же, опустошенной по содержанію, стала эта международность. По мѣрѣ того, какъ на горизонтѣ вырисовывался въ международномъ масштабѣ соціальный вопросъ—тускнѣли принципы 89-го года въ своей общезначимости, республиканизмъ терялъ прежнее обаяніе универсальной идеи и вся общественно-политическая идеологія, что дальше, то больше, національзировалась.

И любопытно: именно вопросъ національнаго объединенія (какъ въ Италіи и Германіи) и національнаго освобожденія болѣе мелкихъ народностей былъ послѣднимъ вопросомъ, сохранявшимся еще нѣкоторое время въ видѣ отголоска изъ того періода буржуазнаго развитія, когда у буржуазіи имѣлись задачи и цѣли, не умѣщавшіяся на прокрустовомъ ложѣ національно-государственнаго индивидуализма. Но какъ разъ эти годы распада старозавѣтной международности—съ конца 40-хъ и до начала 70-хъ годовъ 19-го вѣка—были временемъ, когда закладывалась международность демократіи новаго типа, когда эта демократія подхватила упадавшее знамя всечеловѣч-

ности изъ рукъ политически-регрессирующаго общества и, подхвативъ его, крѣпко держала въ рукахъ всѣ послѣдніе полвѣка. Оно было ея вѣрнѣйшимъ залогомъ грядущаго, нагляднымъ подтвержденіемъ морально-политическаго превосходства ея надъ всѣми противниками.

И вотъ этому то гордому самосознанію нанесенъ ударъ катастрофой 1914 года. Тамъ, гдѣ прежде была непоколебимость гранита, зіяетъ трещина и въ трещину вползаетъ сомнѣніе, вопрошающее: гдѣ истина? у столѣтней ли традиціи или у національнаго индивидуализма? Одна ли правда для всѣхъ или правда смѣняется вмѣстѣ съ государственнымъ организмомъ народа и у каждаго народа своя домашняя правда, какъ когда то у каждаго очага былъ свой домашній богъ-покровитель?

Развитіемъ событій вопросъ поставленъ передъ демократіей во всей его обнаженности и во всемъ значеніи для дальнѣйшихъ судебъ ея идеологіи.

Это хорошо понимаютъ представители буржуазной общественно-политической мысли, особенно тѣ, которые сами продѣлали путь отъ вселенскаго идеала къ національной домашности. Неудивительно, поэтому, что г. П. Струве спѣшитъ зарегистрировать, что и современная демократія многихъ европейскихъ государствъ, и германская, въ первую очередь, какъ будто утверждается въ данный моментъ на той же стезѣ и упраздняетъ свою международность.

«Ихъ (т. е. германскихъ демократовъ) положеніе трудно тѣмъ, что они должны на кровавомъ дѣлѣ оправдывать тотъ буржуазный націоналистическій лозунгъ, съ которымъ они на словахъ такъ яростно боролись: right or wrong, my country—хорошо ли, скверно ли поступаетъ моя страна, я ее защищаю. Имъ, столько разъ выступавшимъ противъ справедливыхъ и законныхъ примѣненій національнаго принципа, какъ якобы буржуазныхъ, приходится теперь своей кровью и безчисленными жертвами

своихъ семей, во имя національнаго принципа, отстаивать и оплачивать скверное дѣло, начатое ихъ правительствомъ. Изъ такого положенія не можетъ быть хорошаго выхода».

Такъ, бывшій марксистъ, бывшій демократъ, а сейчасъ наполовину уже бывшій либералъ...............

....

... изливаетъ на столбцахъ «Биржев. Вѣдом.» (см. № отъ 9-го сентября 1914 г.) свою радость: радость грѣшника, что добродѣтель подмочена и самая незапятнанная репутація оказалась съ изъяномъ...

Но что положеніе демократіи, дѣйствительно, трагично, что ея международность подверглась испытанію, какого не приходилось еще переживать ей когда-либо, объ этомъ свидѣтельствуетъ еще въ большей степени, чѣмъ ликованіе враговъ, растерянность передъ тѣмъ, что случилось, лучшихъ представителей этой демократіи, знаменосцевъ ея международности.

Если вѣрить тому, что пишетъ Копенгагенскій корреспондентъ газеты «Кіевская Мысль», — а мы не имѣемъ основанія не довѣрять его реферированію,—то Карлъ Каутскій въ одномъ изъ номеровъ «Neue Zeit», для насъ, къ сожалѣнію, недоступныхъ, пришелъ къ выводу, который при всемъ желаніи невозможно согласовать съ началами международности. Исходя изъ той мысли, что настоящій международный конфликтъ получаетъ діаметрально противоположное освѣщеніе въ оцѣнкѣ Вандервельде, Гэда и другихъ съ одной стороны, въ оцѣнкѣ германской демократіи — съ другой, онъ заключаетъ отсюда, что общій анализъ международнаго положенія приходится отбросить и что существуютъ въ наличности равнозначныя силы, заставляющія демократію каждой страны съ одинаковымъ правомъ защищать свое національное цѣлое и противоборствовать другимъ.

Иначе говоря — что международности съ момента,

когда вспыхнулъ конфликтъ, больше не существуетъ и міровая демократія представляетъ изъ себя такой же конгломератъ тяготѣющихъ въ разныя стороны силъ съ противоположными интересами, какъ и господствующіе классы, какъ и тотъ старый міръ, которому привыкла противополагать себя демократія.

Хуже того: что эти противоположные, противорѣчивые интересы внутри міровой демократіи не находятъ себѣ примиренія въ какомъ-либо высшемъ принципѣ, что высшаго принципа нѣтъ, установляющаго общеобязательныя нормы для всѣхъ безъ различія членовъ міровой демократіи.

Но и на этомъ нельзя остановиться; если нѣтъ высшаго объединяющаго принципа на періодъ конфликта, то откуда демократіи взять этотъ принципъ и для обычнаго, неконфликтнаго, мирнаго времени? Нельзя же создавать двойную бухгалтерію и признавать по пятницамъ то, что по средамъ отвергаешь. Принципъ не дѣлится, и его можно либо цѣликомъ отвергнуть, либо такъ же цѣликомъ принять. А нѣтъ принципа, нѣтъ и международности, нѣтъ и единаго міроваго движенія къ единой поставленной цѣли...

Выводъ Каутскаго закрѣпляетъ небытіе, въ которомъ—въ годину конфликта оказалась міровая демократія. Каутскій ставитъ штемпель принципіальнаго обоснованія на практикѣ, вышедшей совсѣмъ не изъ принципа, а изъ отсутствія, недостаточности принципа, изъ того, что демократическая мысль и психика благодаря цѣлому ряду причинъ безпомощно капитулировали передъ силой стихіи. И потому, выводъ Каутскаго былъ бы, пожалуй, хуже этой практики, если бы только не объяснялся, какъ пароксизмъ психологической потребности защитить во что бы то ни стало въ глазахъ международнаго общественнаго мнѣнія поведеніе того партійнаго цѣлаго, которое такъ дорого Каутскому.

Какъ бы тамъ ни было, я долженъ сказать: я не со-

гласенъ съ декларацiей Гаазе; я полагаю, что въ 1914 году уже немыслимо централизовать вниманiе германской демократiи на восточной опасности, и германская же демократическая литература послѣднихъ лѣтъ это доказала съ достаточной убѣдительностью. Но я все же предпочитаю аргументацiю Гаазе защитительной аргументацiи Каутскаго. Худо ли, хорошо ли, — по моему худо—аргументацiя Гаазе пытается оправдать демократiю не только моментомъ самозащиты, но и международнымъ положенiемъ, опредѣленной оцѣнкой даннаго сочетанiя силъ. Она на свой манеръ прислоняется къ международности. Она слабо, но къ ней апеллируетъ. Наоборотъ, аргументацiя Каутскаго апеллируетъ не къ международности, а къ отсутствiю этой международности, и этому отсутствiю даетъ свою санкцiю, свое отпущенiе грѣховъ,—и тѣмъ покрываетъ то состоянiе современной мiровой демократiи, которое должно вызывать величайшую тревогу, по поводу котораго надо бить въ набатъ и кричать: демократiя въ опасности!..

***

Въ самомъ дѣлѣ, Ганнибалъ у воротъ! Мiровой конфликтъ внесъ въ ряды демократiи смуту, какой еще не было за всю исторiю ея сознательнаго, организованнаго существованiя. Передъ лицомъ грандiозныхъ событiй демократiя оказалась не внѣшне, а внутренне несостоятельной, несостоятельной не потому, что событiя явились сильнѣе ея и она не смогла съ ними справиться— это было бы еще съ полгоря, а потому, что она событiямъ дала справиться съ собою, съ своимъ внутреннимъ мiромъ, ...

. . . .

. . . .

. . . .

Дѣло, очевидно, въ чемъ-то другомъ, чѣмъ въ одной германской ошибкѣ, если процессъ, такъ сказать, нацiонализацiи демократiи могъ съ такой быстротой и такъ

безпрепятственно охватить и демократіи другихъ государствъ, ...

. . . .

Существовали, стало быть, какія-то общія причины, которыя вызвали это общее слѣдствіе, которыя не однихъ германцевъ, но и французовъ и англичанъ равно поставили передъ проблемой конфликта, для разрѣшенія которой въ духѣ старыхъ традицій у нихъ не оказалось ключа. Ибо надо же прямо сказать: даже и тогда, когда эти демократіи поступали такъ, какъ надлежитъ поступать демократіямъ, онѣ дѣйствовали правильно не въ силу сознательнаго выбора, не съ полнымъ разумѣніемъ проблемы во всей ея сложности, а движимыя тою же стихіей, которая германской демократіи подсказала роковое рѣшеніе. Онѣ воспользовались тѣмъ, что ихъ хорошее въ общемъ рѣшеніе въ извѣстной мѣрѣ въ силу счастливой случайности (я не разбираю сейчасъ его частностей) совпадаетъ съ «національнымъ» рѣшеніемъ и что онѣ могутъ, до поры до времени, плыть по теченію, въ противоположность германцамъ, не совершая завѣдомой измѣны своему собственному прошлому.

. . . .

Какъ же, спрашивается, могло случиться, что хаосъ эмпирики воцарился тамъ, гдѣ, казалось, была планомѣрность хорошо налаженнаго—въ результатѣ многолѣтняго развитія—организма или, точнѣе, комплекса организмовъ, гдѣ былъ огромный накопленный капиталъ стройныхъ принциповъ, богатѣйшая и разнообразнѣйшая практика. Почему такъ много изъ всего этого развѣялось, какъ дымъ, при первой же встрѣчѣ съ

давно жданнымъ конфликтомъ? И что развѣяно? И что осталось?

Я бы сказалъ: остались,—остались нетронутыми на высотахъ теоріи исконные принципы демократіи, какъ и основныя начала ея практики—они переживутъ катастрофу. Но получило сильнѣйшій ударъ осуществленіе этихъ принциповъ и этой практики демократіи въ жизни. Оно стало жертвой катастрофическаго конца цѣлой большой полосы въ исторіи развитія новѣйшей Европы, ибо эта полоса наложила свою характерную окраску на все современное движеніе демократіи, на всѣ проявленія ея общественнаго «я».

Поэтому, чтобы понять то столкновеніе принциповъ съ жизнью, которое составляетъ сейчасъ содержаніе трагедіи, и образчикъ котораго мы только что могли наблюдать на судьбѣ демократической международности, необходимо предварительно разобраться въ специфической окраскѣ, въ особенностяхъ этой полосы, сыгравшихъ такую фатальную роль въ моментъ наступленія міровото катаклизма.

Полоса, о которой идетъ рѣчь, это затяжной антрактъ въ четыре съ половиною десятка лѣтъ, расположившійся между двухъ періодовъ неустойчиваго равновѣсія и повышенной активности. Къ 70-мъ годамъ прошедшаго столѣтія закончилась эра международной и внутригосударственной отстройки современнаго буржуазнаго общества, и человѣческое море, бурлившее когда-то въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣковъ, вошло постепенно въ свои берега; мятущаяся и вѣчно мѣняющая свои очертанія стихія нашла, наконецъ, свое болѣе или менѣе постоянное ложе, свои—до поры до времени—законченныя формы. Въ противоположность эпохѣ, когда создавались новыя государственныя образованія, слагались національности и буржуазія вела тяжбу съ господствующими силами феодально-абсолютистскаго строя, воцарился относительный покой за-

ключеннаго компромисса, и жизнь застыла на время въ унаслѣдованныхъ ею комбинаціяхъ.

Впрочемъ, о застываніи жизни можно говорить лишь очень условно. На самомъ дѣлѣ, какъ разъ за этотъ періодъ будто бы застоя внутри каждой данной страны протекали огромные молекулярные процессы, да и международная обстановка исподволь перерождалась, ибо въ ней опредѣляющимъ моментомъ все явственнѣе становилась политика колоніальныхъ пріобрѣтеній, воинствующаго имперіализма, и соотвѣтственно этому совершалась перегруппировка державъ. Но эти молекулярные процессы, но эта перегруппировка не приводили пока что къ результатамъ, для всѣхъ осязательнымъ, не складывались въ попытки мѣняющихся силъ подвести этимъ измѣненіямъ итоги. Шла, можно сказать, подготовка, но не было реализаціи, или была реализація минимальная, частичная, не идущая въ сравненіе съ тѣми скачкообразными перемѣнами, съ тѣми коренными сдвигами, которыми наполнена исторія предъидущихъ десятилѣтій.

Ни революцій, ни войнъ! Если предыдущая эпоха стояла подъ знакомъ періодическихъ потрясеній во Франціи, откуда какъ изъ центра расходились воздѣйствія на всю остальную Европу, если за то время не только мѣнялись формы правленія государствъ, но и образовывались новыя, начиная съ маленькой Бельгіи и кончая такими крупными формаціями, какъ объединенная Италія, объединенная Германія, или дуалистическая монархія Габсбурговъ, этотъ подновленный обломокъ старины, датирующій съ конца 60-хъ годовъ прошедшаго столѣтія,—то, обратно, занимающее насъ сорокапятилѣтіе представляетъ картину почти совершенной пріостановки этихъ процессовъ формированія, и вся средняя Европа, точно завороженная, останавливается на полпути въ метаморфозѣ своихъ взаимоотношеній между народомъ и властью, на промежуточной

станціи или на тѣхъ промежуточныхъ станціяхъ, на которыхъ каждую изъ входящихъ въ нее странъ засталъ историческій процессъ у порога этого сорокапятилѣтія.

Правда, кое-гдѣ въ этихъ странахъ—и въ особенности въ Австріи — демократизировалось избирательное право, но существо, но типъ государственнаго властвованія остался все-таки старый; и рейхстагъ, и рейхсратъ пребывали, какъ прежде, безвластными; и именно прусскій псевдоконституціонализмъ, этотъ шедевръ реакціи 50-хъ годовъ, сохранившійся во всей своей цѣлости до настоящихъ дней мірового конфликта, именно его неизмѣнность среди всѣхъ превратностей капиталистическаго развитія, служитъ такимъ же символомъ только что пройденной нами эпохи, какимъ когда-то являлись для эпохи предшествующей знаменательныя даты 89, 30, 48 годовъ.

Глубокому же консерватизму во внутригосударственныхъ отношеніяхъ отвѣчаетъ такой же консерватизмъ въ отношеніяхъ междунаціональныхъ. Здѣсь тотъ же принципъ охраненія statu quo—существующаго положенія вещей, и во имя этого принципа—миръ до послѣдней возможности, несмотря на постоянно растущую волну вооруженій. Войны ведутся лишь на окраинахъ, по преимуществу въ колоніяхъ, а основное ядро европейской территоріи не затрагивается и границы государствъ не «исправляются» усиліями стратеговъ на поляхъ кровавыхъ сраженій. За исключеніемъ Балканскаго полуострова политическая карта Европы начала 70-хъ годовъ могла бы съ успѣхомъ быть использована и въ настоящемъ 1914 году.

Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что буржуазная Европа стала консервативной. Она остановилась въ своемъ домогательствѣ власти, какъ и въ своей реформирующей дѣятельности, на тѣхъ позиціяхъ, на какихъ застала ее перемѣна настроенія или вѣрнѣе — пере-

мѣна фронта, когда движеніе противъ остатковъ феодолизма окончательно смѣнилось — выражаясь языкомъ военнаго времени,—«позиціонной борьбой» противъ идущей на буржуазную Европу новой опасности, когда въ различныхъ странахъ различно, по всюду произошло сближеніе прежнихъ противниковъ, и власть, поддержанная буржуазіей, такъ сказать, «окопалась» отъ наступающей на нее демократіи.

Демократія, съ своей стороны, должна была тоже уйти, при наличномъ состояніи силъ, въ кропотливую саперную работу и для ближайшаго предвидимаго времени не смѣла расчитывать на иные успѣхи, чѣмъ на взятіе отдѣльныхъ траншей, чѣмъ на тотъ или другой удачный обходъ, заставляющій противника податься на шагъ, но еще отнюдь не могущій принудить его капитулировать.

Создалось, такимъ образомъ, положеніе особаго рода съ ему свойственной логикой, во многихъ отношеніяхъ общей для обоихъ антагонистовъ, какъ ни различны они во всемъ остальномъ, общей, ибо вытекающей изъ нѣкоторыхъ общихъ условій данной стадіи развитія. Детализированная отграниченность работы и борьбы и всепроникающая постепеновщина, эти знаменія эпохи, возведенныя одними въ принципъ, для другихъ стали привычнымъ фактомъ ихъ бытія и, какъ таковой, вошли элементомъ въ ихъ психику, оттѣнкомъ въ ихъ идеологію.

Закрѣплять за собою позиціи вездѣ, гдѣ можно,—въ парламентахъ, въ муниципалитетахъ, въ промысловыхъ судахъ, въ организаціяхъ страхованія и иныхъ; зубами держаться за данный, достигнутый уровень жизни, подпирая его грандіозными сооруженіями кооперативовъ и профессіональныхъ союзовъ, — во всемъ этомъ былъ свой паѳосъ, своеобразная красота неукротимой, цѣпкой, почвенной энергіи. Это были цвѣты, взрощенные эпохой, несомнѣнныя пріобрѣтенія ея, кото-

рыми она могла справедливо гордиться передъ своими предшественницами, ибо никогда еще міръ не присутствовалъ при зрѣлищѣ чего-либо отдаленно похожаго на эти—пусть дробные, но въ своемъ цѣломъ, великіе процессы массовой консолидаціи.

Однако, chacun a les défauts de ses qualités—справедливо говоритъ французская пословица: каждый имѣетъ недостатки своихъ достоинствъ, и у этой массовой консолидаціи въ данную эпоху ея огромная способность къ проникновенію во всѣ поры общественности, ея талантъ планомѣрно-выдержанной и осторожной продвижки впередъ имѣли своей оборотной стороной ярко выраженную неприспособленность къ моментамъ нарушенія постепенности—къ катастрофическимъ явленіямъ всякаго рода, во-первыхъ, и во-вторыхъ—исключительную замкнутость въ кругѣ національнаго дѣйствія—національной среды.

Вѣдь, сорокъ пять лѣтъ жизнь учила только одному и не давала матеріала для другого; вѣдь, сорокъ пять лѣтъ содержаніе движенія непрерывно обогащалось лишь тѣмъ, что этому движенію могли дать готовыя рамки существующихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, и больше всего тѣмъ, что давала та совокупность общественно-политическихъ условій каждой страны, которая выражала ея національно-государственную индивидуальность. И эти же сорокъ пять лѣтъ, т. е. какъ разъ все время, въ теченіе котораго безсильные прежде эмбріоны демократическихъ организацій превратились въ цвѣтущіе, жизнеспособные и вліятельные организмы демократій европейскихъ государствъ, эти же сорокъ пять лѣтъ нисколько не помогли отвѣтить на вопросъ, какъ быть, когда дѣло пойдетъ о нарушенныхъ или разрушенныхъ рамкахъ и когда будетъ фигурировать не одна только «своя» государственность, съ которой демократія искони оперировала, а комбинаціи этихъ государственностей располо-

жатся, какъ шахматы, на доскѣ всемірной исторіи и потребуютъ отъ демократіи такого же участія въ междугосударственномъ рѣшеніи, какое она обычно принимала въ рѣшеніяхъ въ масштабѣ своей государственности.

Но можно ли было бы отсюда заключить, что демократія объ этихъ—въ предположеніи—нарушенныхъ рамкахъ и объ этихъ проблемахъ междугосударственнаго значенія совсѣмъ и не думала. Нѣтъ, она думала. Скажемъ болѣе: она къ нимъ постоянно возвращалась, какъ въ литературѣ, такъ и на совѣщаніяхъ своего международнаго представительства. Но ея мысль, такая отчетливая въ своей конкретности, теряла тотчасъ же свои обычныя свойства, какъ только пыталась прикасаться къ этимъ двумъ порядкамъ явленій. Въ этомъ легко убѣдиться, если сопоставить, какъ много достигнуто демократіей въ искусствѣ работать на основѣ каждой данной государственности съ ея многообразнымъ механизмомъ законодательствованія и управленія, съ ея внутриполитическими и междуклассовыми отношеніями, и, наоборотъ, какъ безконечно мало — даже въ умѣніи ставить проблемы, предполагающія отсутствіе этой основы въ силу какихъ бы то ни было причинъ. Въ одномъ случаѣ несомнѣнный и огромный прогрессъ по сравненію съ предыдущей исходной полосой демократическаго движенія, въ другомъ — не только не прогрессъ, но я бы сказалъ—совершенно очевидное попятное развитіе.

Марксу и особенно ранѣе умершему Лассалю—воскресни они въ настоящее время—предстали бы цѣлыя области вѣдѣнія, при ихъ жизни имъ совершенно неизвѣстныя... «Профессіоналисты», «страховики», кооператоры, парламентаріи, муниципальные дѣятели, словомъ — спеціалисты всѣхъ родовъ оружія въ дѣлѣ позиціонной борьбы, свободно заткнули бы за поясъ и Лассаля, и Маркса, каждый въ своей спеціальности.

ибо спеціальность каждаго въ настоящее время покоится на фундаментальной основѣ изъ откристаллизовавшейся многолѣтней демократической практики — практики массъ. Но Марксъ, и Лассаль, какъ и вообще демократы ихъ поколѣнія, въ свою очередь могли бы сказать: и вамъ, господа демократы начала XX вѣка, есть чему поучиться у насъ: у насъ не было вашей практики, но и у васъ нѣтъ практики, которая была въ высокой степени свойственна нашему времени, безъ которой—на худой конецъ—вы, пожалуй, могли обойтись въ истекшую историческую полосу, но за отсутствіе которой вы и платитесь теперь дорогою цѣной разгрома вашей международности...

Въ самомъ дѣлѣ, поколѣніе Маркса было напрактиковано, если можно такъ выразиться, въ расцѣниваніи международныхъ конфликтовъ. Оно жило въ эпоху, когда борьбу государствъ приходилось брать, какъ фактъ текущей дѣйствительности, а не только какъ угрожающую въ будущемъ опасность, и съ этимъ фактомъ такъ же оперировать, какъ и со всякимъ другимъ, прилагая къ нему обычную мѣрку демократіи—общіе интересы развитія.

Ни во время крымской кампаніи, ни въ итальяно-франко-австрійскую войну 59 года, ни въ тѣ войны, которыя слѣдовали одна за другой въ 64, 66 и 70-мъ годахъ и по своему на бисмарковско-гогенцоллерновскій ладъ осуществляли объединеніе Германіи, Марксу и всѣмъ его товарищамъ не приходило и въ голову, что они, ведя споры объ этихъ событіяхъ, привлекавшихъ тогда всеобщее вниманіе, и занимая въ отношеніи къ нимъ различныя, часто противоположныя позиціи, дѣлаютъ, будто бы, что-то неподлежащее, несоотвѣтствующее ихъ демократическому званію. Наоборотъ, со всѣмъ свойственнымъ имъ темпераментомъ они бросались на преодолѣніе проблемы, какъ бы сложна она ни была, они ставили діагнозъ конфликту, они пытались опре-

дѣлить, успѣхъ какой стороны открываетъ больше простора желательнымъ съ ихъ точки зрѣнія возможностямъ, и устанавливали, такимъ образомъ, извѣстную базу для постройки своей тактики.

Я не буду касаться сейчасъ всѣхъ случаевъ приложенія этой Марксовой методологіи; я остановлюсь на одномъ лишь примѣрѣ, имѣющемъ для насъ въ силу нѣкоторыхъ его особенностей спеціальный интересъ,—какъ, надѣюсь, читатель пойметъ. Это вопросъ объ итальянской кампаніи 1859 года, въ которомъ Энгельсъ и Марксъ разошлись въ своихъ взглядахъ съ Лассалемъ.

Въ своихъ династическихъ цѣляхъ поддерживая итальянскую борьбу за объединеніе и независимость, Наполеонъ III объявилъ войну Австріи. Изъ-за спины Наполеона вырисовывалась фигура Горчакова, только что передъ тѣмъ заключившаго секретное соглашеніе съ императоромъ французовъ. Пруссія и прочая Германія оставались нейтральными, хотя въ наличности въ этихъ странахъ и было большое движеніе за войну съ Наполеономъ, а—буде нужно—и за войну на два фронта.

Какъ же, спрашивается, должна была реагировать демократія того времени на этотъ клубокъ противорѣчій? Вѣдь, на одной сторонѣ вмѣстѣ съ возставшей Италіей Гарибальди и Кавура находились герой 2-го декабря и съ нимъ заодно наиболѣе вѣрные хранители завѣтовъ «Священнаго Союза» 1815 года, а на другой—такое воплощеніе реакціи, какъ тогдашняя монархія Габсбурговъ. Не проще ли было отойти отъ грѣха, сказавъ: «оба хуже!». Однако, ни Энгельсъ, ни Марксъ, ни Лассаль не соблазнились «простотой» такого рѣшенія, а принялись за изысканіе вопроса, какой исходъ столкновенія можетъ представить наибольшіе шансы тому дѣлу, которое дорого всѣмъ имъ.

Конкретно ихъ споръ упирался въ проблему: вмѣ-

шаться ли Пруссіи въ конфликтъ и тѣмъ вызвать вмѣшательство ея восточнаго сосѣда, или оставить Австрію на произволъ ея собственной судьбы? Энгельсъ и Марксъ говорили: вмѣшаться. Лассаль отстаивалъ противоположное мнѣніе. Намъ нѣтъ надобности входить сейчасъ въ обсужденіе всѣхъ деталей этой контраверзы. Ея элементами были соображенія самаго различнаго порядка: и о возможномъ—въ результатѣ столкновенія съ враждебной коалиціей—національномъ движеніи въ Германіи, которое разовьется черезъ головы ея многочисленныхъ властителей, и о томъ, какая держава въ европейскомъ концертѣ представляетъ центральное зло — реакціонная придунайская имперія или другіе выдающіеся представители этого концерта. Намъ также неважно, кто изъ споривших—въ перспективѣ наступившей теперь для спора исторіи—оказался болѣе правымъ, — лучшій историкъ демократіи, Францъ Мерингъ, полагаетъ, что правъ былъ Лассаль. Но намъ важно другое.

Намъ важно, что всѣ три главные спорщика—и къ нимъ на придачу и Мерингъ, который разбираетъ ихъ взгляды, расходясь въ конкретныхъ оцѣнкахъ, всѣ сходятся въ одномъ—конфликтъ необходимо использовать. Всѣ согласны, что демократіи не безразлично, какъ будетъ протекать его развитіе, чѣмъ оно кончится. Всѣ согласны, что должно быть оказано давленіе на это развитіе со стороны демократическаго общественнаго мнѣнія; и всѣ согласны, наконецъ, что направленіе и характеръ этого давленія опредѣляются тѣмъ, какъ оцѣнить конфликтъ, его участниковъ, его вѣроятныя послѣдствія—съ точки зрѣнія демократіи въ ея цѣломъ. И всѣ понимаютъ, что если одна оцѣнка приводила Маркса и Энгельса къ желательности поддержанія намѣчавшагося въ Германіи движеніи противъ Бонапарта, то, наоборотъ, другая—заставляла Лассаля фор-

мулировать свою тактику депопуляризаціи конфликта, котораго демократія не въ силахъ предотвратить...

Всѣ понимаютъ, ибо всѣ они привыкли себя чувствовать въ атмосферѣ международнаго дѣйствія, которое творится, правда, враждебными силами, но силами чрезвычайно разнородными, разнородность которыхъ сознается ими, какъ существенный моментъ при ихъ собственномъ — демократическомъ—продвиганіи впередъ.

И вотъ это то все, что Марксу, Лассалю, Энгельсу представлялось такимъ естественнымъ, безъ дальнѣйшихъ поясненій вытекающимъ изъ всего ихъ общественно-политическаго міросозерцанія, что казалось органически связаннымъ съ основными элементами ихъ новаторски-реалистической практики, все это точно проваливается, исчезаетъ изъ сознанія демократіи—въ послѣдующія десятилѣтія. Исчезаетъ не въ результатѣ борьбы, не какъ замѣна одной методологіи другой, не потому, что кто-либо доказалъ или пытался доказать ошибочность подхода къ вопросу Энгельса, Маркса, Лассаля, а скорѣе какъ-будто — за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ поводовъ для проявленія такого подхода: отъ неупражненія произошла, такъ сказать, атрофія соотвѣтствующихъ мышцъ въ идейной мускулатурѣ демократіи.

Индивидуально демократамъ еще случалось иногда откликаться на немногочисленные международные конфликты позднѣйшихъ десятилѣтій, и, откликаясь, они отнюдь не старались соблюсти нейтралитета, откровенно подавая свой голосъ въ пользу опредѣленнаго исхода конфликта: мы видимъ Либкнехта въ 1878 году — во время русско-турецкой кампаніи — туркофильствующимъ; мы знаемъ о спорѣ девяностыхъ годовъ въ германской демократической литературѣ, вращавшемся вокругъ столкновенія Греціи съ Турціей; намъ извѣстно, что и за время англо-бурской войны, какъ и за

время Японской, симпатіи не распредѣлялись равномѣрно между воюющими сторонами; наконецъ, мы помнимъ, что и Энгельсъ—въ духѣ традицій всей своей долгой совмѣстной работы съ Марксомъ, еще въ самомъ концѣ своей жизни, въ началѣ 90-хъ годовъ, успѣлъ опредѣленно занять позицію въ томъ предполагавшемся конфликтѣ державъ, который казался приблизившимся съ заключеніемъ франко-русскаго союза.

Но эти отдѣльные отклики были поверхностною рябью, мертвою зыбью отъ прошлаго, не нарушавшей общаго тона эпохи и не задѣвавшей собою глубинъ демократіи—демократическихъ массъ, а съ ними вмѣстѣ, и демократическихъ коллективовъ, какъ таковыхъ, демократическаго представительства во всѣхъ его видахъ. Въ общемъ и цѣломъ демократія не знала этихъ вопросовъ, остававшихся въ рамкахъ личныхъ высказываній, литературной полемики. Турція воюетъ съ Греціей, Англія съ бурами—демократія спокойно отъ этихъ извѣстій переходила къ очереднымъ дѣламъ, предоставляя писателямъ пописывать, но сама оставаясь въ высокой мѣрѣ равнодушной, ибо, вѣдь, Трансвааль и Греція непосредственно не касаются ея — европейской демократіи. Ну, а-разъ не касаются, то можно и не безпокоиться. И она и въ самомъ дѣлѣ не безпокоилась, если не считать мимоходныхъ резолюцій протеста, которыя время отъ времени она принимала на засѣданіяхъ своихъ представительствъ—среди прочаго дѣла. Ея же собственнымъ дѣломъ, дѣломъ par-excellence, на которомъ демократія окрѣпла, расширилась и стала массовой, словомъ стала всѣмъ тѣмъ, что она есть въ настоящее время, было дѣло, въ первую очередь опредѣлявшееся національной обстановкой страны, содержаніемъ жизни каждаго даннаго государства—со всей этой жизни свойственной индивидуальностью, со всѣми присущими ей экономическими, госу-

дарственно-правовыми и междуклассовыми особенностями.

Все, чѣмъ исторія десятилѣтіями обогащала политическую и экономическую дѣятельность любой европейской—да и всякой другой—демократіи, шло отсюда, изъ этого источника, носило національную марку. И демократія тѣмъ успѣшнѣе національзировалась, чѣмъ больше затягивался періодъ ея «позиціонной борьбы», чѣмъ дольше не уходила со сцены та полоса европейской исторіи, которая, какъ я уже раньше отмѣтилъ—была полосой, не знавшей въ сердцѣ Европы международныхъ конфликтовъ, а, стало быть, и не переживавшей волненій, выходящихъ за предѣлы національно-государственныхъ территорій, не ощутившей остро интересовъ обще-европейскаго или мірового масштаба.

Конечно, идеологія движенія была міровая; конечно, капиталистическое развитіе на свой ладъ нивеллировало, приводило къ одному знаменателю страны, заостряя въ нихъ основную группировку двухъ лагерей и выдвигая общую всѣмъ демократіямъ конечную цѣль. Но этотъ основополагающій, главный процессъ современной цивилизаціи осложнялся другимъ—второго порядка для даннаго періода, однако, не менѣе существеннымъ, чѣмъ основной,—процессомъ національной индивидуализаціи движеній.

Національная индивидуализація движеній и была тѣмъ факторомъ, который — на общемъ фонѣ эпохи— сыгралъ рѣшающую роль въ измѣненіи самаго подхода демократіи къ вопросамъ о международныхъ конфликтахъ; это она незамѣтно устранила изъ кругозора демократіи марксовскую постановку вопроса и на мѣсто прежняго идейнаго размаха осторожно и скупо опредѣлила вообще возможныя для настоящаго времени границы демократической международности.

Сюда-же надо прибавить и еще обстоятельство, заслуживающее нашего вниманія; рука объ руку съ на-

ціональной индивидуализаціей движенія шелъ также и процессъ превращенія его изъ движенія передовыхъ круговъ демократіи, т. е. ея сравнительно незначительнаго слоя, въ движеніи организованныхъ и организующихся массъ, а это означало, иначе говоря, что чѣмъ больше демократія становилась массовой, тѣмъ больше давала себя чувствовать — особенно въ условіяхъ охарактеризованной нами исторической полосы — національная почвенность въ противоположность психологическому и идейному универсализму демократіи перваго призыва, піонеровъ 40 и 60-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Возможная для этихъ піонеровъ степень международности оказалась уже невозможной и непріемлемой для демократіи позднѣйшей формаціи.

Что это дѣйствительно такъ, легко убѣдиться изъ сопоставленія самой структуры этихъ двухъ демократій: если первоначальная демократія «союза коммунистовъ» (40-хъ) и «международной ассоціаціи» (60-хъ годовъ) отправной точкой своей организаціи брала международность, то демократія, въ 1889 году прошедшаго вѣка возстановившая свою международную связь, оказалась построенной по принципу территоріально-государственному или національному; международность являлась лишь слабымъ федеративнымъ привѣскомъ къ этому основному началу, проникавшему всю жизнь демократіи. И характерно: первоначально, при этомъ возстановленіи международной связи, не создалось даже и постояннаго органа этой международности въ какихъ-либо формахъ; установлены были однѣ лишь повторныя встрѣчи; и только много позже образовалось «бюро»—однако, почти исключительно декларативно-информаціоннаго характера, безъ какой-либо реальной власти надъ своими національными членами.

Національные коллективы, и только они, вели подлинное, не эфемерное существованіе. И не было коллектива наднаціональнаго, международнаго, съ его са-

мостоятельнымъ бытіемъ, не было единой высшей воли, которая воплощала бы въ себѣ, какъ верховный принципъ, дѣйствительную международность, подобно тому какъ—правда, весьма несовершенно, въ эмбріональномъ видѣ—ее все же пыталась воплотить приснопамятная шестидесятница—«Ассоціація» Маркса.

Этотъ то—если не de jure, то de facto, — суверенитетъ національныхъ коллективовъ и предопредѣлилъ весь характеръ постановки вопросовъ въ международномъ масштабѣ. Постановка вопросовъ — какъ общее правило—не выходила за предѣлы національныхъ единицъ, и вся ея международность ограничивалась исключительно нормировкой единообразныхъ способовъ дѣятельности національныхъ демократическихъ коллективовъ въ ихъ воздѣйствіи на соотвѣтствующія имъ національно - государственныя организаціи. Можно сказать, за всѣ двадцать пять лѣтъ функціонированія такъ называемаго второго международнаго общенія рѣчь шла лишь о томъ, чтобы, договорившись объ общихъ предпосылкахъ, условиться всѣмъ, какъ каждому дѣйствовать у себя дома—въ его собственномъ дѣлѣ,—иначе говоря, какъ путемъ международнаго обмѣна идей, упорядочить, поднять до высшаго уровня не международную, а ту же ограниченную національно-государственными рамками дѣятельность, которая и составляла существо національной работы каждой данной демократіи. И это направленіе международнаго общенія было въ высокой степени плодотворно и цѣлесообразно въ предѣлахъ этой имъ себѣ поставленной задачи. Амстердамскія рѣшенія 1904 года, установившія, подтвержденіемъ рѣшеній Дрезденскихъ, международныя правила демократической тактики и провозгласившія настоятельную необходимость единства демократіи каждой страны, служатъ наилучшимъ образчикомъ достигнутыхъ успѣховъ въ этого рода работѣ.

Но, какъ я уже сказалъ, направленіе международ-

наго общенія было плодотворно и цѣлесообразно только въ указанныхъ предѣлахъ. Стоило международному общенію попытаться перейти эти предѣлы, чтобы обнаружилась вся недостаточность этого общенія, чтобы со всей силой сказалась несостоятельность — для постановки дѣйствительно международныхъ задачъ — этой сѣти однѣхъ національныхъ ячеекъ, ибо и совокупность подобныхъ ячеекъ, и сумма національно-ограниченныхъ сознаній и воль, еще не даетъ въ результатѣ того, что необходимо, какъ предварительное условіе для этихъ задачъ, — единаго международнаго сознанія и единой соотвѣтствующей воли.

Для постановки вопроса о международныхъ конфликтахъ во всей шири, которая давалась методологіей Маркса, именно и не доставало этого необходимаго условія. Ограниченность національнаго, хотя бы и демократическаго и полнаго самыхъ благихъ пожеланій, сознанія стояла на пути къ тому, чтобы международное общеніе второго призыва могло, дѣйствительно, подхватить, конкретизировать—сообразно новымъ условіямъ—линію аргументаціи, намѣчавшуюся Марксомъ. Поэтому, международное общеніе и не подхватило и не продолжило Марксовской линіи, а пошло по тому направленію, которое указывалось ему содержаніемъ его прочихъ работъ. Оно и проблему международныхъ конфликтовъ попыталось приноровить къ ограниченности національнаго сознанія; оно и ее захотѣло рѣшить по способу, имъ обычно практиковавшемуся, т. е. не какъ проблему международнаго дѣйствія, а какъ только международнымъ путемъ нормированную индивидуальную задачу для національнаго дѣйствія демократіи.

И если рѣшеніе проблемы на этой основѣ до поры до времени не представлялось обреченнымъ заранѣе на неудачу, то исключительно потому, что международнымъ общеніемъ незамѣтно для его же собственнаго сознанія одна проблема подмѣнялась другой.

Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе четверти вѣка, съ тѣхъ поръ какъ это международное общеніе конституировалось, проблема международныхъ конфликтовъ маскировалась и отодвигалась проблемой тѣхъ требованій, которыя всякая демократія — въ границахъ своей территоріи—должна предъявлять своей власти на предметъ преодолѣванія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія современной системы вооруженнаго мира. И каждый разъ, при международной встрѣчѣ въ тѣхъ или другихъ варіантахъ, но неизмѣнно проходили длинной чередой эти требованія — третейскихъ судовъ, референдума, народной милиціи; позже—въ формѣ такъ называемаго разоруженія. Все это было хорошо; все это удобно укладывалось въ программу занятій для національноотграниченныхъ партій. Но если спросить, подвигала ли сколько нибудь программа этихъ требованій проблему конфликта, какъ таковового, то безъ всякаго сомнѣнія отвѣтить придется рѣшительнымъ нѣтъ! Такъ же не подвигала, какъ не подвигалъ ее и вопросъ, казалось бы, болѣе близкій къ проблемѣ, — о средствахъ противодѣйствія возникновенію конфликта.

Конечно, если бы съ рѣшеніемъ послѣдняго вопроса конфликты стали, дѣйствительно, неповторяемымъ достояніемъ прошлаго, то тѣмъ самымъ была бы рѣшена и вся проблема конфликтовъ. Но, вѣдь, съ самаго начала постановки вопроса объ ихъ предупрежденіи, для международнаго общенія было ясно, что дѣло обстоитъ много хуже, что—говоря по совѣсти — демократія не знаетъ такихъ способовъ предупрежденія и что ея обычное орудіе — проповѣдь представляетъ, словъ нѣтъ, почтенное средство, но въ случаяхъ подобнаго рода не достигаетъ соотвѣтствующей цѣли—безъ надлежащаго къ нему дополненія.

Ну, а что касается этого дополненія, то о немъ толковали еще въ Брюсселѣ въ 1891 г. (когда покойный Либкнехтъ далъ на этой почвѣ сраженіе утопизму

Вальяна) и въ Цюрихѣ, въ 1893 году (когда Плехановъ выступалъ противъ предположеній извѣстнаго голландскаго дѣятеля, Домелы Ньювенгайса). Послѣ этого на нѣкоторое время разговоры о дополненіи затихли, и только въ половинѣ 1900-хъ годовъ они вновь оживились, ибо, казалось, исторія принесла подкрѣпленіе этой мысли о дополнительныхъ способахъ. Но и подновленные дебаты не привели къ реальному экспериментированію. Отъ реальнаго экспериментированія было далеко. И вѣроятнѣе всего, именно потому, что дебаты продолжали вращаться въ сферахъ не конкретной дѣйствительности, а только абстракціи, жизнь не дала еще въ достаточной степени почувствовать, что и этотъ вопросъ приводитъ къ той же самой международности, которая не можетъ быть разрѣшена, исходя изъ національно-отграниченной основы.

Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ дебатахъ прозвучали уже невзначай ноты опасенія, что страна съ сильно развитой и дѣеспособной демократіей не находится въ равныхъ условіяхъ съ той, въ которой такой демократіи нѣтъ, что она непремѣнно проигрываетъ. Т. е. вставалъ уже призракъ грядущихъ трудностей, устраненіе которыхъ возможно въ одномъ только международномъ масштабѣ... Какъ бы тамъ ни было, однако, этотъ вопросъ о предупрежденіи конфликтовъ при всей своей вынужденной недоговоренности, прикрывалъ собою центральный вопросъ о конфликтѣ непредупрежденномъ, а имѣющемся уже на лицо, осуществившемся въ жизни; прикрывалъ, пока историческая полоса застойнаго равновѣсія въ соотвѣтствіи своему общему характеру помогала сузить вниманіе на частномъ моментѣ и тѣмъ заставляла позабыть — какъ не актуальную — сердцевину вопроса.

Но какъ только эта историческая полоса изжила себя и привела къ катастрофѣ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофически рухнула и международная форма

общенія, явившаяся дѣтищемъ этой полосы; такъ сразу обнаружилась наличность непримиримаго противорѣчія между проблемой, поставленной міровой катастрофой, и той привычной колеей, по которой до сихъ поръ подвигалось развитіе международнаго общенія. Идя по этой колеѣ, международное общеніе только и сумѣло придти, что къ однимъ пожеланіямъ, провозглашеннымъ въ 1907 году въ Штутгартѣ и приглашавшимъ демократію каждой страны послѣ наступленія конфликта содѣйствовать всѣми мѣрами его прекращенію.

Міровая катастрофа, къ сожалѣнію, показала чрезвычайно наглядно, что это наслѣдіе застойной полосы не имѣетъ какой бы то ни было цѣнности, что оно пустопорожне въ своемъ абстрактномъ единообразіи, что невозможно—не насилуя здраваго смысла и непосредственнаго чувства демократіи—прилагать безъ разбора единую мѣрку все того же требованія о прекращеніи—и къ демократіи страны, конфликтъ провоцировавшей, и къ той, которая живетъ въ государствѣ, на которое напали, которое подвергли разгрому и которому въ дальнѣйшемъ грозятъ лишеніемъ его самостоятельности... Но міровая катастрофа показала и нѣчто большее, чѣмъ принципіальную несостоятельность штутгартской формулы; она показала, что штутгартская формула отброшена не потому, что въ ней заключено неудачное выраженіе принципа международности, а потому, что дѣйствительнымъ наслѣдіемъ предыдущей полосы является отнюдь не формула международности, а неформулированныя, но увы! гораздо болѣе реальныя сознанія и чувства, продиктованныя демократіи каждой страны ея національной отграниченностью. Ихъ то и выявила, ихъ то и обнаружила міровая катастрофа, когда ребромъ поставила передъ демократіей вопросъ: національный индивидуализмъ или международность—и заставила демократію подать свой голосъ безъ оговорокъ и безъ обиняковъ — въ пользу индиви-

дуализма. Ибо только въ эпоху застоя были допустимы еще ублюдочныя формы и можно было не различать *національное сознаніе, регулируемое международными правилами* и, по существу глубоко несходное съ нимъ, принципіально иное — *международное сознаніе, считающееся съ національными особенностями и правами каждой данной страны.*

Міровая катастрофа разорвала, шутя, эти международныя правила, которыми въ теченіе десятилѣтій украшало себя національное сознаніе, и оставила національное сознаніе, въ его чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, въ его убійственной или — если угодно — самоубійственной оголенности. Это былъ крахъ ублюдочной формы; это былъ крахъ международнаго общенія второго созыва; но это совсѣмъ не былъ крахъ международнаго принципа — международнаго сознанія. Вѣдь, этого сознанія было до сихъ поръ, какъ мы видимъ, не избыточно много, а наоборотъ, недостаточно. И этотъ недостатокъ и сыгралъ фатальную игру съ демократіей, когда демократія оказалась лицомъ къ лицу съ катастрофой... Крахъ межеумочныхъ формъ застойной полосы, приведя къ оголенному индивидуализму, привелъ демократію къ старозавѣтному принципу современныхъ господствующихъ силъ, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. И тѣмъ самымъ онъ сказалъ демократіи: если хочешь остаться собой со всей твоей индивидуальностью, съ твоими завѣтными идеями, съ твоими самыми дорогими мечтами, если хочешь сохранить свое право на историческое существованіе — иди не назадъ, а впередъ. Отъ межеумочныхъ формъ не къ индивидуализму, а къ международному сознанію во всей его цѣлостности и во всей его силѣ.

Впередъ! т.-е. въ извѣстномъ смыслѣ и назадъ: назадъ къ Энгельсу, Марксу, Лассалю, къ ихъ методу оцѣнки международныхъ конфликтовъ; къ ихъ включенію и международнаго дѣйствія государствъ въ общій

кругъ демократическаго использованія, въ которомъ находятся въ настоящее время всѣ сферы государственной и общественной жизни внутри каждой страны и въ которомъ такого искусства достигла какъ разъ предыдущая застойная полоса современной исторіи. Нуженъ *синтезъ* метода Маркса и всѣхъ пріобрѣтеній послѣдующихъ лѣтъ. И тогда затрудненія, вызываемыя конфликтами, непреоборимыя для національнаго сознанія и національной воли, смогутъ найти свое разрѣшеніе, достойное и ея конечныхъ задачъ; они будутъ побѣждены международнымъ сознаніемъ.

Это, разумѣется, длинный и мучительный процессъ восхожденія, который предстоитъ демократіи. Было бы вредной наивностью думать, что можно какими бы то ни было логическими формулами свести на нѣтъ результаты полувѣковаго развитія, чтобы существовала панацея и стоило сказать: «Сезамъ, отворись!» и отверзлись бы какія то невѣдомыя хляби и разомъ поглотили бы національный индивидуализмъ предыдущей эпохи. Нѣтъ! Мы подобныхъ иллюзій не питаемъ и больше всего боимся сейчасъ той истерики, которая грозитъ отдѣльнымъ кругамъ демократіи повтореніемъ многихъ ошибокъ, имѣющихъ почти десятилѣтнюю давность, истерики, готовой въ своемъ непризнаніи прошедшей полосы дойти и до отрицанія того, что въ этой полосѣ является ея безсмертный заслугой. Но мы въ то же время и оптимисты и смѣемъ думать—оптимисты не безъ нѣкотораго основанія; оптимисты не въ смыслѣ сроковъ, которыхъ не вѣдаетъ никто, а въ другомъ—гораздо болѣе существенномъ смыслѣ. Мы полагаемъ, что застойная полоса исторіи, дѣйствительно, кончилась, и мы стоимъ на порогѣ къ конфликтной эпохѣ, къ эпохѣ, которая не логикой отдѣльныхъ писателей, а силою вещей внесетъ радикальный переломъ въ то направленіе демократическаго развитія, которое до настоящаго дня въ ней господствовало.

Конфликтное время принудитъ демократію отказаться отъ національнаго индивидуализма и такъ или иначе, болѣе раціональными методами или исключительно горькой цѣной многочисленныхъ разочарованій и длительныхъ мукъ, но приведетъ къ международности. За это порукой весь уже сейчасъ намѣчающійся обликъ конфликтнаго времени, о которомъ когда-нибудь въ другой разъ *).

---

*) Моя статья была уже въ существенныхъ частяхъ своихъ написана, когда я получилъ возможность ознакомиться съ подлиннымъ содержаніемъ какъ той статьи Каутскаго, которую (см. выше) реферировала корреспонденція «Кіевской Мысли», такъ и другихъ его статей на ту же тему, появившихся въ послѣднихъ номерахъ «Neue Zeit», въ особенности же статьи «Die Internationalität und der Krieg».

Само собою разумѣется, я не имѣю возможности въ рамкахъ постскриптума дать разборъ или хотя бы обстоятельную оцѣнку этихъ статей. Я могу говорить лишь о своемъ впечатлѣніи.

И вотъ, резюмируя его, я скажу: я, пожалуй, формально готовъ подтвердить свое замѣчаніе о Каутскомъ, которое сдѣлано выше въ статьѣ, но я уже не могу ограничиться этимъ своимъ замѣчаніемъ. Ибо Каутскій послѣднихъ статей воистину рисуется мнѣ какимъ то двуликимъ Янусомъ. Если одно его лицо, обращенное къ тому, что случилось, носитъ на себѣ характерныя черты адвоката, ведущаго процессъ и старающагося представить всѣ тѣ обстоятельства дѣла, которыя могли бы послужить къ оправданію кліента, то другое лицо, обращенное къ теоріи, является лицомъ судіи, творящимъ судъ, не зная пристрастія. И мнѣ представляется, когда я вдумываюсь въ эти статьи, что Каутскій-судья плохо ладитъ съ Каутскимъ-адвокатомъ, что анализъ судьи, представляющій замѣчательнѣйшее приложеніе метода Маркса, мною выше уже характеризованнаго по вопросу о международныхъ конфликтахъ, стоитъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ выводами, къ которымъ приходитъ адвокатъ.

Анализъ вращается въ плоскости международности. Выводъ упирается въ эмпирически неподлежащій сомнѣнію фактъ національнаго сознанія, національной заинтересованности. Въ результатѣ: хорошая, но безсильная теорія и печальная, но всесильная практика,

Патріотизмъ и международность.

Мы все еще гадаемъ, каковы будутъ возможныя послѣдствія міровой катастрофы, но одно послѣдствіе—и притомъ чрезвычайно серьезное для всего демократическаго движенія — уже на лицо: война въ средѣ демократіи.

Война, смѣнившая миръ, которому, казалось, не будетъ конца. Ибо зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, рабочимъ всѣхъ странъ воевать другъ съ другомъ? Они, вѣдь, не собственники, и нѣтъ той добычи, которую бы имъ при-

---

и между ними нѣтъ смычки, нѣтъ какого бы то ни было моста, нѣтъ выхода изъ невыносимаго раздвоенія.

Мнѣ кажется. впрочемъ, что Каутскій не договариваетъ, что его статьи заканчиваются сейчасъ публицистическимъ многоточіемъ, объяснимымъ изъ такъ-называемыхъ независящихъ обстоятельствъ всевозможнаго рода. Мнѣ кажется,—и я даже увѣренъ—Каутскій-судья одержитъ въ концѣ концовъ верхъ надъ Каутскимъ-адвокатомъ, и теорія одолѣетъ торжествующую практику.

Справедливость требуетъ при этомъ сказать: даже и тогда, когда Каутскій адвокатствуетъ, онъ не только адвокатствуетъ; онъ дѣйствительно считается съ наличностью національной заинтересованности народныхъ массъ и въ раздумьѣ останавливается передъ невозможностью примиренія этой заинтересованности съ тѣмъ, что могло бы быть правильнымъ съ точки зрѣнія интересовъ международныхъ, съ высоты міроваго развитія. Онъ подлинно бьется надъ противорѣчіями настоящаго момента и ощущаетъ его глубоко уходящій въ почву трагизмъ.

Вотъ почему, даже ошибки Каутскаго, даже не вѣрные звуки, которые исторгли событія изъ его публицистической лиры. заставляютъ задуматься, подымаютъ вопросы и несутъ въ самихъ себѣ свое собственное противоядіе.

читалось дѣлить. Имъ въ порядкѣ вещей другъ съ другомъ не враждовать, а соединяться. Не даромъ же кличъ, который призвалъ ихъ къ соединенію—прозвучавшій почти три четверти вѣка назадъ—уже давно сталъ какъ будто живою конкретностью, обрѣлъ плоть въ современномъ интернаціоналѣ рабочихъ, въ ихъ международномъ общеніи.

И тѣмъ не менѣе—миръ нарушенъ и интернаціоналъ въ развалинахъ. Сейчасъ воюютъ не только правительства, сейчасъ—не за страхъ, а за совѣсть—воюютъ и народы, и трудящійся народъ въ томъ числѣ, и даже въ первую голову.

Кто же прервалъ этотъ миръ рабочихъ людей, разбилъ ихъ единство?

Ходъ событій даетъ вразумительно ясный, не подлежащій сомнѣнію отвѣтъ: идея отечества.

Именно эта идея отечества явилась тѣмъ снѣжнымъ комомъ, который, разъ приведенный въ движеніе, головокружительно быстро разросся въ лавину и схоронилъ подъ собой созидавшееся десятилѣтіями зданіе международной солидарности пролетаріата. На зовъ: отечество въ опасности! Защищайте его!—какъ одинъ человѣкъ, поднялась вся рабочая масса Германіи, и такъ же единодушно затѣмъ поднялись на аналогичные призывы пролетаріи Бельгіи, Франціи, Англіи... И что заслуживаетъ особенно вниманія: рабочая масса Германіи поднялась при такихъ обстоятельствахъ, когда—можно было думать—мобилизуется не чувство страха за родину, а самый жгучій протестъ противъ провокаціонной политики имперскаго правительства.

И, однако, мобилизовался совсѣмъ не протестъ, мобилизовался патріотизмъ, и притомъ всенародный, патріотизмъ такой интенсивности и такого охвата, какихъ—я не знаю—видала ли много исторія.

Ясно, мы можемъ сколько угодно винить германскую соціалъ-демократію—ея вина несомнѣнна—но мы не

объяснимъ этой виной тотъ порывъ на защиту страны, который тотчасъ же по объявленіи войны съ элементарной силой овладѣлъ рабочими массами, подавляя сознаніе этихъ массъ, гоня прочь всѣ соображенія объ общечеловѣческой—международной справедливости и двигая массы противъ такихъ же рабочихъ массъ, но только входящихъ въ составъ другихъ государствъ.

Конечно, въ этомъ порывѣ германскаго пролетаріата было нѣчто и отъ специфическихъ чертъ германской жизни послѣднихъ десятилѣтій, тѣхъ чертъ, которыя, между прочимъ, сказались и въ характерномъ умонастроеніи германскаго профессіональнаго движенія, съ Легиномъ во главѣ, и въ имперіалистскомъ характерѣ ревизіонизма одной части соц.-дем-тіи. Но это нѣчто все же не даетъ намъ права укладывать весь германскій порывъ въ прокрустово ложе подобныхъ особенностей. Дѣло не въ этихъ особенностяхъ, а въ томъ общемъ развитіи, которое взрастило порывъ въ Германіи, какъ взрастило во Франціи, въ Англіи—во всѣхъ странахъ европейскаго Запада, за однимъ, быть-можетъ, частичнымъ исключеніемъ земель австро-венгерской короны.

Передъ нами на всемъ этомъ Западѣ одинъ общій процессъ, который война вывела наружу въ формѣ патріотизма, въ видѣ готовности принести величайшія жертвы, чтобы отстоять отъ какихъ бы то ни было стороннихъ посягательствъ свое національно-государственное цѣлое. Процессъ—я бы сказалъ—возросшаго сцѣпленія частей внутри каждаго цѣлаго.

Мы знаемъ хорошо, что по мѣрѣ того, какъ капитализмъ продвигался впередъ въ этихъ странахъ европейскаго Запада, продвигалось и классовое расщепленіе общества, росла полярность богатства и бѣдности. Но мы не всегда склонны обращать вниманіе на другую сторону этого капиталистическаго развитія, на то, что расщепленіе общества сопровождалось не только большей напряженностью классовъ борьбы, но и съ ней попутно

идущимъ преобразованіемъ общества—превращеніемъ обывателей въ гражданъ. Объектъ стараго режима—вѣрноподданный,—въ различной мѣрѣ, но повсюду на Западѣ—уступилъ мѣсто субъекту современнаго конституціоннаго строя, повсюду — и даже въ полу-абсолютистской Германіи, и даже въ юнкерской Пруссіи.

Ибо даже въ прусской Германіи при всемъ безсиліи ея парламента и безправіи ея демократіи отвоевала себѣ право на жизнь общественность, т. е. самодѣятельность населенія въ ея самыхъ различныхъ проявленіяхъ и съ ея неизмѣннымъ организующимъ творчествомъ. Вотъ эта-та развившаяся до гигантскихъ размѣровъ общественность и совершила на протяженіи истекшаго вѣка чудо претворенія былой человѣческой «пыли» въ разслоенную на классы и группы, но плотную ткань новѣйшаго общественнаго организма.

Организмъ этотъ полонъ противорѣчій, кишитъ антагонизмами, само развитіе его идетъ черезъ эти антагонистическія противорѣчія, все ростущія, все заостряющіяся, но онъ отъ этого не перестаетъ ощущаться, какъ организмъ, какъ цѣлое, съ которымъ каждая часть тѣмъ больше связывается, чѣмъ интенсивнѣе проявляется ея жизнедѣятельность, чѣмъ больше предъ нею становится задачъ—реформаторскихъ или революціонныхъ. Вѣдь, реформируютъ цѣлое; вѣдь, если хотятъ въ корнѣ измѣнить—то именно цѣлое; всюду и всегда это цѣлое является фокусомъ всякихъ условій, основой и рамками дѣятельности для любой изъ частей, для каждой группы и партіи, какъ бы принципіально враждебна она ни была данному строю этого цѣлаго.

Я бы даже сказалъ: чѣмъ больше дѣятельной ненависти къ строю, тѣмъ больше къ цѣлому—любви, активной любви, которая и составляетъ патріотизмъ. И въ этомъ смыслѣ величайшимъ патріотомъ былъ Жоресъ, величайшимъ патріотомъ былъ Бебель. Конечно, ихъ

идеи были міробъемлющи, но во имя этихъ міробъемлющихъ идей каждый изъ нихъ до послѣдняго дыханія трудился надъ собственнымъ цѣлымъ—надъ Франціей или Германіей, и, трудясь, сростался съ цѣлымъ, какъ сростается художникъ съ своимъ дѣтищемъ, зодчій съ своимъ недостроеннымъ храмомъ. И для нихъ обоихъ недостроенный храмъ, который еще надлежитъ перестроить, ихъ Франція или Германія—conditio sine qua non ихъ общественнаго существованія и существованія всего движенія, кульминаціоннымъ выраженіемъ котораго они сами являлись.

Пусть этотъ храмъ пока еще въ чуждыхъ рукахъ и классъ угнетенный не отвѣчаетъ за то, какъ распоряжаются въ храмѣ господа положенія, но—стоитъ чуждой силѣ придти и разрушить храмъ, или нанести ему существенный ущербъ, и эта сила нанесетъ съ тѣмъ вмѣстѣ ущербъ, быть можетъ, непоправимый и угнетенному классу—дѣлу Жореса и Бебеля: подъ обломками храма окажется похороненнымъ все то развитіе, въ которое вкладывали душу какъ вожди, такъ и масса, сотни тысячъ, если не милліоны рядовыхъ, безымянныхъ представителей труда.

И, конечно, когда мысль Жореса или Бебеля останавливалась на грядущей опасности, то имъ и въ голову придти не могло, что когда-нибудь мудрецами Восточной Европы начнетъ оспариваться самая мысль о защитѣ отечества, какъ нашедшая себѣ незаконно пріютъ въ сознаніи пролетаріата. Жоресъ для защиты отечества разрабатывалъ идею демократической «новой арміи», приспособленной именно къ дѣлу защиты страны, а Бебель—говорилъ, что въ случаѣ бѣды иноземнаго нашествія, онъ возьметъ въ свои руки ружье, чтобы отстоять свою родину.

И то, что говорили Жоресъ и Бебель, эти двѣ величайшія вершины европейскаго движенія, то ощущалось и его самыми широкими низами, ибо и для этихъ низовъ

ихъ активное участіе въ движеніи являлось основой, на которой возросъ и расцвѣлъ ихъ патріотизмъ, т. е. ихъ пролетарская гражданственность.

Понятіе «отечества» перестало быть мертвою схемой, казенною вывѣской; сливаясь съ ареной многолѣтней работы—борьбы, оно насытилось трепетомъ этой борьбы, оно впитало въ себя ту любовь, которою эта борьба сумѣла связать съ собою рабочія массы. Когда то въ своемъ «Манифестѣ» Марксъ могъ—въ извѣстномъ смыслѣ—сказать, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества и что кромѣ цѣпей терять ему нечего. Съ тѣхъ поръ западно-европейское развитіе привело повсемѣстно къ тому результату, что пролетаріатъ имѣетъ что терять и даже очень большое—свой накопленный имъ, въ границахъ «отечества», а потому индивидуально, т. е. національно-государственно окрашенный, капиталъ труда и борьбы...

Капиталъ я разумѣю — идейно-психологическій, духовное богатство движенія его, общественно-политическія пріобрѣтенія и цѣнности. Этотъ капиталъ, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ капиталомъ—вещественнымъ, которымъ тоже обрастаетъ движеніе въ видѣ развѣтвленнаго вѣдомства всяческихъ организацій и ихъ непомѣрныхъ бюджетовъ. Вещественный капиталъ вноситъ свою лепту вліянія въ психику—и лепту консервативную. Но общій вопросъ рѣшаетъ не онъ, и не онъ, а общественно-политическій капиталъ труда и борьбы залегъ чертой, отдѣляющей старое отъ новаго, психику, скажемъ, дореволюціонной Германіи отъ того, какъ мыслятъ и чувствуютъ не одни современные эпигоны движенія, создавшаго германскую соціалъ-демократію, но и лучшіе германскіе шестидесятники.

Чтобы пояснить—небольшое отступленіе въ старозавѣтное прошлое. Я не знаю: помнитъ ли читатель у Гейне, не у теперешняго германскаго сверхпатріота Вольфганга Гейне, а у стараго Генриха Гейне, который

пѣлъ свои чудныя пѣсни и разсыпалъ направо и налѣво жемчужины мыслей, помнитъ ли онъ разсказъ, какъ Гейне ребенкомъ наблюдалъ вступленіе въ рейнскія провинціи Наполеона во главѣ его арміи? И помнитъ ли онъ то сложное чувство, которое вызывалось видѣніемъ дѣтства въ уже взросломъ поэтѣ? Наполеонъ, который вторгся въ чужую страну, сливался въ его представленіи съ другимъ Наполеономъ, отголоскомъ великой революціи, въ своемъ шествіи черезъ Европу обронившимъ и этимъ рейнскимъ провинціямъ кое-что отъ свободъ, кроху со стола тогдашней французской культуры. И ради этой крохи, ради марсельезы, узурпированной авантюристомъ—корсиканцемъ, геніальный поэтъ готовъ былъ простить авантюристу все зло, которое тотъ причинилъ его родинѣ.

Исключеніе ли Гейне въ этомъ случаѣ? Наоборотъ, я думаю, онъ символъ, и символъ не только старой Германіи, богатой идеями и нищею волей, но и всей той обывательской психики, которая складывается всюду, гдѣ усмотрѣніе начальства замѣщаетъ собой самочинную энергію народа. Это—психика, рождающая идеализацію корсиканца, мечты о лучшемъ, которое придетъ, откуда бы то ни было, хотя бы черезъ «гладъ, потопъ и нашествіе иноплеменныхъ»; въ этой психикѣ звучитъ иногда, какъ у Пушкинскаго Отрепьева въ «Борисѣ Годуновѣ» жалоба Пимену: «хоть бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва бы поднялась»—восточно-европейская мелодія.

Вотъ эта-то мелодія безвозвратно умолкла на Западѣ, заглушенная традиціей работы и борьбы. Вмѣсто этой мелодіи звучитъ ей діаметрально-противоположная: съ нашей собственной скверной мы справимся сами, не мѣшайте только намъ съ этой скверной справиться. Вѣдь, въ томъ, чтобы справиться съ нашею скверной, и заключается національная задача нашего движенія. Мы еще не обанкротились въ нашей общественности и

мы нашей задачи не уступимъ никому, да и неспособенъ никто, кромѣ насъ, рѣшить эту задачу.

Если хотите, въ такомъ оборотѣ психики — не безъ элементовъ національно-государственнаго самолюбиваго чувства, могущаго, при случаѣ, перейти въ національно-государственную исключительность, но это прочный, десятилѣтіями подготовлявшійся выводъ изъ всей практики, которая все время протекала исключительно въ руслѣ бытія національно-государственнаго цѣлаго.

Особенности послѣдняго періода истекшаго вѣка еще сверхсмѣтно усилили этотъ процессъ консолидаціи національно-государственнаго сознанія массъ и ихъ національно-государственнаго самочувствія. Я не буду въ настоящей статьѣ говорить объ этихъ особенностяхъ: ихъ я подробно касаюсь въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ «На рубежѣ двухъ эпохъ» *)... Да и не въ нихъ сейчасъ дѣло, а въ томъ основномъ, историческомъ процессѣ въ его цѣломъ, который можно резюмировать такъ: окрѣпла гражданственность; національно-государственная индивидуальность каждой страны осознала себя и дала въ результатѣ патріотизмъ нашихъ дней, эту стихію, поразившую всѣхъ своей элементарной силой.

Спѣшу, однако, оговориться: до сихъ поръ я въ цѣляхъ упрощенія бралъ историческій процессъ превращенія обывателей въ гражданъ, какъ единый процессъ, а на дѣлѣ—такого единства, разумѣется, нѣтъ. Мы живемъ въ вѣкъ всеобщей дифференціаціи: дифференцирована гражданственность, дифференцированъ и патріотизмъ; и патріотизмъ демократіи, а въ особенности патріотизмъ рабочаго класса существенно иной, чѣмъ патріотизмъ буржуазнаго общества въ большинствѣ его подраздѣленій.

Правда, эта дифференціація обычно не доведена до конца, и патріотизмъ господствующихъ классовъ нала-

---

*) См. стр. 25 и слѣд. настоящей книги.

гаетъ свою печать и на психику массъ, заражая эту психику свойственными именно ему, для него характерными лейтмотивами. И тѣмъ не менѣе, даже въ хаосѣ перекрещивающихся вліяній настоящей войны возможно нащупать кардинальное различіе этихъ двухъ типовыхъ разновидностей патріотизма: патріотизма, готоваго въ интересахъ своего государственнаго цѣлаго посягать на интересы другихъ, и патріотизма, ни во имя какихъ бы то ни было соображеній не посягающаго ни на чьи интересы и только со всей возможной энергіей отстаивающаго неприкосновенность развитія своего собственнаго цѣлаго. Словомъ,—патріотизма агрессивно-буржуазнаго и патріотизма пролетарски-демократическаго — «защитнаго цвѣта»...

Мнѣ нужно было сдѣлать это подраздѣленіе, ибо, только исходя изъ него, мнѣ думается, мы въ состояніи подойти къ оцѣнкѣ настоящаго конфликта между патріотизмомъ и международностью, конфликта, разрушившаго, какъ я уже указывалъ въ началѣ статьи, интернаціоналъ рабочаго класса; только исходя изъ этого подраздѣленія, мы сможемъ отдѣлить преходящіе моменты даннаго конфликта отъ моментовъ, глубоко коренящихся въ исторіи развитія, и соотвѣтственно этому рисовать себѣ и дальнѣйшее будущее одинаково свободно и отъ безнадежнаго пессимизма, приводящаго къ капитуляціи передъ дѣйствительностью, и отъ задора той оптимистической романтики, которая живетъ въ царствѣ грезъ, видитъ сны наяву и глуха ко всѣмъ звукамъ земли.

Въ самомъ дѣлѣ, другой дилеммы не можетъ и быть для всѣхъ тѣхъ, кто готовъ въ одну кучу валить агрессивно-буржуазный патріотизмъ и патріотизмъ пролетарски-демократическій, для кого существуетъ всего-навсего лишь монолитный патріотизмъ, который надо цѣликомъ принять, отвергая интернаціонализмъ, или такъ же цѣликомъ отвергнуть, ставъ на сторону его

антагониста. Или быть Санчо-Пансо, или стать Донъ-Кихотомъ. Потому что надо прежде стать Донъ-Кихотомъ, чѣмъ рѣшиться отвергнуть à limine, какъ негодную ветошь, патріотизмъ въ его цѣломъ—иначе говоря, вѣковой процессъ гражданской кристаллизаціи общества, нашедшій свое кульминаціонное выраженіе въ чувствѣ отечества—въ патріотизмѣ. И если бы международность была, дѣйствительно, непримиримымъ антагонистомъ всего этого «интегральнаго» патріотизма, то можно было бы заранѣе признать ея дѣло проиграннымъ; можно было бы сказать, что на предвидимое время она имѣетъ не больше шансовъ осуществиться, чѣмъ любая изъ старыхъ утопій...

Къ счастью, это не такъ. Къ счастью, интернаціонализмъ, несовмѣстимый съ агрессивно-буржуазнымъ патріотизмомъ, совмѣстимъ съ пролетарски-демократическимъ или, что то же, съ патріотизмомъ, очищеннымъ отъ классоваго или мѣстнаго своекорыстія.

Я бы даже сказалъ: интернаціонализмъ является дальнѣйшимъ развитіемъ патріотизма, приложеніемъ въ большемъ масштабѣ тѣхъ же самыхъ мыслей и чувствъ, которыя первоначально окрѣпли въ процессѣ гражданской кристаллизаціи внутри каждаго цѣлаго. И только тамъ, гдѣ человѣческій матеріалъ прошелъ черезъ школу гражданственности въ національно-государственныхъ рамкахъ, только тамъ—при наличности извѣстныхъ историческихъ условій—можетъ появиться и общественное международное сознаніе и общественное международное чувствованіе.

Появиться, какъ прорывъ національно-государственныхъ рамокъ этой самой гражданственностью; какъ выступленіе изъ традиціонныхъ національно-государственныхъ береговъ ея практики и образованіе новой практики съ ей соотвѣтствующими новыми задачами и новыми цѣлями.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ слишкомъ часто забы-

вали эту связь патріотизма съ гражданственностью, и потому уже совсѣмъ не представляли себѣ той связи, которая существуетъ въ дѣйствительности между патріотизмомъ и международностью. Патріотизмъ и международность, казалось, просто исключаютъ другъ друга, и такъ стало тѣмъ болѣе казаться съ тѣхъ поръ, какъ настоящая война нанесла свой страшный ударъ второму интернаціоналу рабочаго класса.

Но такъ ли на дѣлѣ?—Думаю, что рѣшительно не такъ, что жестокій урокъ настоящей войны—если читать его съ должнымъ вниманіемъ—говоритъ о многомъ и разномъ, но только совсѣмъ не о томъ, что международность и патріотизмъ исключаютъ другъ друга при всякихъ условіяхъ.

Патріотизмъ войны разрушилъ не международность, а только ту форму международности, которую настоящій моментъ катастрофы получилъ въ наслѣдство отъ послѣднихъ десятилѣтій. Эта форма, дѣйствительно, разрушена: блестящая видимость и скудное содержаніемъ нутро могли спрягаться другъ съ другомъ только до тѣхъ поръ, пока не существовало серьезной международной «практики», которая бы подвергала испытанію эту форму. Стоило «практикѣ» явиться, достаточно было вспыхнуть міровому пожару, чтобы при свѣтѣ его стало ясно, какъ день, что международность была до сихъ поръ совсѣмъ не факторомъ общественно-политической жизни, не достояніемъ массоваго сознанія, а только—идеологической формулой или хуже еще—парадною фразой, которою по праздникамъ, въ высокоторжественныхъ случаяхъ, привыкли обмѣниваться между собою главари отдѣльныхъ пролетарскихъ движеній. И вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно, что и высшее проявленіе этой казовой международности, второй интернаціоналъ рабочаго класса, за всю четверть вѣка своего бытія, не обрѣлъ самостоятельнаго, наднаціональнаго, международнаго существованія. Онъ все время игралъ лишь подсобную роль для націо-

нально-пролетарскихъ коллективовъ, помогая нормировать имъ—съ ихъ общаго согласія—нѣкоторыя стороны ихъ національно-пролетарскихъ движеній. Но онъ не былъ когда-либо въ силахъ стать дѣйствительно верховной инстанціей для этихъ движеній, той высшей волей международности, передъ изъявленіемъ которой имѣютъ склониться всѣ частныя воли, всѣ національно-пролетарскія индивидуальности.

Потому я и опредѣлялъ въ своей статьѣ о второмъ интернаціоналѣ рабочихъ, какъ основную черту его,— національное сознаніе, регулируемое международными правилами, а отнюдь не сознаніе международное, совершенно отличное отъ него, принципіально иное,—не сознаніе международное, которое не перестаетъ быть международнымъ, сколь бы сильно ему ни приходилось считаться съ національными особенностями и правами каждаго изъ входящихъ въ составъ международнаго общенія національно-государственныхъ цѣлыхъ. Такого международнаго сознанія еще не было въ современномъ рабочемъ движеніи къ моменту, когда пробилъ часъ катастрофы; до такого сознанія оно еще не смогло дорасти и не доразвило своей практики.

Это и обнаружила война, развѣявъ иллюзіи и показавъ настоящую пропорцію явленій — левіаѳана національно-государственной гражданственности и пигмея—эмбріона гражданственности международной. Національно-государственная гражданственность это, вѣдь, итогъ столѣтняго развитія. Международность—это даже еще не развитіе, это—пока что—предисловіе къ развитію, которое придетъ, какъ выводъ изъ предыдущаго, какъ его необходимый переломъ, который будетъ означать, что гражданственность—и въ первую очередь гражданственность пролетаріата—начинаетъ и въ самомъ дѣлѣ, переростая, ломать существующія національно-

государственныя перегородки, начинаетъ и въ самомъ дѣлѣ жить жизнью цѣлаго міра.

Впрочемъ, будетъ точнѣе сказать: этотъ переломъ уже наступилъ, это развитіе—въ своемъ исходномъ моментѣ—уже началось. Они даны настоящей войной, которая въ своихъ нѣдрахъ таитъ не одно разрушеніе, но и совершающееся—мимо ея воли—созиданіе. Война не только реализуетъ накопленную вѣковымъ развитіемъ силу гражданственности въ національно-государственныхъ рамкахъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ реализуетъ и первый серьезный прорывъ этихъ рамокъ гражданственностью и тѣмъ самымъ кладетъ первый камень того фундамента, на которомъ будетъ отстраиваться зданіе ощущаемой и сознаваемой массами, не безвольной, какъ до сихъ поръ, а надѣленной творческой волею международности.

Подъ шумъ войны, въ хаосѣ величайшихъ событій, которыя набѣгаютъ одно на другое, какъ волны, представители буржуазнаго міра, господствующіе классы, уже мастерятъ на свой ладъ — по своему подобію и образу—свое собственное преодолѣніе старыхъ рамокъ и свою собственную sui generis международность въ видѣ постепеннаго превращенія прежнихъ довлѣющихъ себѣ государствъ въ зависимые члены новѣйшихъ коалицій—своего рода государственныхъ трестовъ. Совершенно очевидно, что и пролетаріату соотвѣтственно этому строительству придется перестраивать свою старую общественность, исключительно приноровленную къ національно-государственнымъ рамкамъ, на новый болѣе широкій масштабъ, и формировать свою пролетарскую международность.

Разумѣется, неблагодарная задача предсказывать, какъ будетъ въ точности выглядѣть эта пролетарская международность, и мы за эту задачу не беремся; но существуютъ тѣмъ не менѣе нѣкоторые общіе признаки, которые можно и теперь уже установить, ибо они намѣ-

чаются всѣмъ направленіемъ современнаго кризиса, переживаемаго міровою общественностью.

Эта пролетарская международность будетъ, безъ сомнѣнія, развиваться, съ одной стороны, какъ антитеза буржуазной международности съ ея характеромъ борьбы группъ—единоборства конкурирующихъ трёстовъ: этой буржуазной борьбѣ пролетарская международность противопоставитъ, какъ свой верховный принципъ, міровое единство пролетаріата, не признающаго различія между іудеемъ и эллиномъ. И съ другой стороны, она явится также антитезой и той прошедшей международности, развитіе которой завершилось крушеніемъ въ годину войны. Чтобы оказаться жизнеспособной, она вынуждена будетъ въ соотвѣтствіи съ слагающейся новой общественностью создать международную властную волю. Ея не было прежде—этой воли, тѣмъ настоятельнѣе будетъ ощущаться нужда въ ней теперь, когда весь ходъ современной жизни такъ явственно для всѣхъ начинаетъ перекладываться на международные рельсы.

Но эта властная воля должна будетъ считаться съ той конъюнктурой исторіи, которой она обязана своимъ бытіемъ, а, стало-быть—и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что возникаетъ она не на развалинахъ старой національно-государственной общественности, а въ эпоху, когда образовалась лишь первая трещина этой общественности, когда эта общественность ищетъ способовъ приспособленія, когда силы ея далеко не изжиты и когда въ этихъ силахъ имѣются даже элементы, сохраняющіе свою прочную цѣнность для пролетаріата и для всего мірового развитія.

Въ самомъ дѣлѣ, надо помнить и то, что рядомъ съ силами имперіалистскаго хищничества продолжаютъ вести свою линію и силы другого порядка—силы сложившихся въ національно-государственныхъ рамкахъ многообразныхъ и многогранныхъ культуръ. Съ культурно-политическимъ единствомъ, образующимъ націо-

нально-государственную индивидуальность каждой страны, международная воля должна будетъ считаться не только какъ съ силой, которую сейчасъ нельзя превозмочь и съ которой, поэтому, заключаютъ компромиссъ—перемиріе, но и какъ съ подлиннымъ накопленнымъ исторіей богатствомъ, которое надо беречь и которое—будучи претворено—ляжетъ въ основу высшей культуры грядущаго.

Считаясь же съ этимъ національно-государственнымъ индивидуализмомъ каждой страны—тѣмъ самымъ индивидуализмомъ, который, кстати сказать, давно уже признанъ законнымъ въ извѣстномъ и популярномъ тезисѣ о правѣ на самоопредѣленіе,—международная воля будетъ eo ipso считаться и съ явленіемъ, производнымъ отъ этого индивидуализма,—съ патріотизмомъ въ его пролетарски-демократической сущности.

Она возьметъ этотъ патріотизмъ, она приметъ сознаніе и чувство національно-государственной особенности, какъ одну изъ составныхъ частей своей международной пролетарской политики, какъ ту грань, которую нельзя, насилуя, переступать при постановкѣ своихъ международныхъ цѣлей и при осуществленіи своихъ международныхъ задачъ.

Это не значитъ, какъ думаетъ Каутскій, что пролетаріатъ всѣхъ странъ, ведущихъ войну, одинаково правъ, берясь за оружіе и поддерживая оружіе силою общественнаго мнѣнія, различными видами коллективной работы. Но это значитъ, во-первыхъ, что международная воля, сформировавшись, если бы еще не была въ состояніи своимъ противодѣйствіемъ просто-на-просто помѣшать наступленію общественнаго бѣдствія, то, во всякомъ случаѣ, должна была бы начать свою миссію съ возложенія на пролетаріатъ этихъ странъ существенно различныхъ обязанностей: призывая однихъ къ оборонѣ, она призывала бы другихъ, памятуя Лассаля, поднять знамя «депопуляризаціи» войны.

Это значитъ, во-вторыхъ, что и «виновную— сторону, когда дѣло обороны ея антагонистовъ было бы успѣшно закончено, она не позволила бы экзекутировать: наступилъ бы моментъ, когда международная воля провозгласила бы прежнюю виновницу въ состоянiи законной обороны, а противниковъ ея вершащими уже неправое дѣло, которое слѣдуетъ остановить всѣми силами и больше всего тѣми силами, которыми располагаетъ демократiя и пролетарiатъ этихъ странъ.

Такъ международность упирается въ индивидуальность каждой страны, индивидуальность, которую въ ея дѣйствiяхъ можно и должно ограничивать въ интересахъ и цѣляхъ международнаго развитiя и международной справедливости, но на которую, даже и въ выгодахъ этого развитiя, посягать нельзя, тѣмъ болѣе нельзя подвергать уничтоженiю.

Но наличность нацiонально-государственныхъ индивидуальностей опредѣляетъ отрицательную программу международности—что ей не слѣдуетъ дѣлать. Она не опредѣляетъ положительную—что ей дѣлать надлежитъ по пути къ осуществленiю своей конечной задачи.

Положительное содержанiе международной политики пролетарiата—даже и въ той части ея, которая непосредственно соприкасается съ войной,—выходитъ далеко за предѣлы вопросовъ нацiональной обороны; оно куда шире и много сложнѣе подобныхъ вопросовъ и, конечно, не можетъ сводиться къ консервативной охранѣ statu quo ante bellum—положенiя вещей до войны, ибо всякая война—и особенно подобная той, которая въ настоящее время охватила Европу, обладаетъ способностью стихiйно подымать и развертывать вопросы, до того не поставленные или находившiеся въ зародышевомъ видѣ, а теперь получившiе въ своемъ развитiи революцiонный толчекъ отъ войны и повелительно требующiе своего разрѣшенiя.

Такъ, настоящей войной воскрешенъ изъ : вологолѣт-

няго небытія тотъ старый польскій вопросъ, который, казалось, основательно забытъ, похороненъ въ мемуарахъ прежнихъ борцовъ и вычеркнутъ изъ предѣловъ возможнаго даже своими наиболѣе постоянными и наиболѣе упорными пропагандистами. А теперь къ нему, хочешь не хочешь, придется установить отношеніе не только конгрессу державъ, но и пролетарской международности—въ случаѣ, если бы она тоже, какъ Польша, воскресла.

Такъ, событія на Балканскомъ полуостровѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго десятилѣтій заставили даже второй интернаціоналъ рабочаго класса, при всей его неприспособленности къ такого рода политикѣ, выступить съ провозглашеніемъ идеи балканской федераціи (включающей и Турцію), т. е. идеи созданія новой государственной формаціи, какъ единственнаго метода разрѣшенія тѣхъ противорѣчій, которыя раздираютъ и другъ на друга натравливаютъ балканскіе народы, и какъ единственнаго средства обезопасить эти народы—созданіемъ крупной единицы—отъ колонизаціоннаго натиска всевозможныхъ державъ.

Это уже не вопросы обороны, т. е. не вопросы только охраны того, что есть, но и вопросы активнаго строительства пролетаріата, его дѣйственнаго вмѣшательства въ международный зловѣщій хаосъ, являющійся такимъ характернымъ спутникомъ современнаго міроваго, имперіалистскаго капитализма.

А отъ этихъ par excellence международныхъ вопросовъ, поставленныхъ войнами, близокъ переходъ и къ вопросамъ, которые называются внутренними, но которые такіе же внѣшніе, такіе же по своему полновѣсному значенію, международные, какъ и каждый изъ нами отмѣченныхъ.

Такъ, сейчасъ едва ли найдется охотникъ оспаривать Жореса, который первый въ свое время указалъ на всю международность значенія, казалось бы, исключительно

внутренняго вопроса Германіи—вопроса о сохраненіи въ ней полуабсолютистскаго строя и вопроса о безсиліи многомилліонной германской соціалъ-демократіи. Жоресъ полагалъ, что безсиліе этой партіи давитъ кошмаромъ на Европу. Онъ не зналъ еще тогда, какой ни съ чѣмъ несравнимый кошмаръ готовитъ, въ самомъ дѣлѣ, Европѣ политическая летаргія этой партіи...

И такъ же окончательно разъяснена въ настоящее время войной и до чрезвычайности заострена международность и цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, по внѣшности столь же «внутреннихъ», какъ и германскій... Мы, вѣдь, лучше, чѣмъ кто-либо, знаемъ—послѣ года войны—что извѣстная система внутри данной страны парализуетъ ея внѣшнюю силу, и что параличъ этой силы можетъ до основанія измѣнить международную конъюнктуру войны и соотвѣтственно всѣ ея соціально-политическія послѣдствія.

Ясно: международной политикѣ пролетаріата, если бы таковая, дѣйствительно, сформировалась, здѣсь открывалось бы необычайно широкое поле для воздѣйствія, для самаго активнаго вмѣшательства въ этотъ переплетъ явленій «внѣшнихъ» и «внутреннихъ», въ эти внѣшне-внутренніе и внутренне-внѣшніе узлы, которые надлежало бы распутать или разрубить съ наибольшей пользою для мірового развитія.

И ясно: международной политикѣ пролетаріата приходилось бы дѣлать свое дѣло независимо отъ того, царитъ ли миръ или свирѣпствуетъ война. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ она шла бы за исконной, подкрѣпленной опытомъ и успѣхомъ увѣнчанной тактикой использованія—въ интересахъ пролетаріата—существующей неоднородности буржуазнаго міра—его взаимно противоборствующихъ силъ. Развивая свою собственную энергію коллективнаго дѣйствія, она сегодня поддерживала бы однѣ изъ этихъ силъ и боролась бы съ другими съ тѣмъ, чтобы завтра, быть можетъ, измѣнить свою

позицію на діаметрально противоположную вчерашней, но ни въ какомъ случаѣ не измѣнять своему правилу: вездѣ и всегда продвигаться впередъ къ своей цѣли. Активное и самостоятельное вмѣшательство международной воли пролетаріата въ войну было бы, такимъ образомъ, всего-на-всего однимъ изъ приложеній этой тактики; та или другая возможная «оріентація» простымъ случаемъ преходящаго использованія въ своихъ цѣляхъ неоднородныхъ господствующихъ силъ современнаго общества.

Итакъ, теоретическая линія международной политики пролетаріата вырисовывается. Что же касается практическаго проведенія ея, осуществится ли оно цѣликомъ или только частично, то все зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ разовьется въ ближайшее время процессъ интернаціонализаціи общественной жизни вообще, пролетарскаго движенія въ особенности.

Пока что, передъ нами лишь самый начальный періодъ этой интернаціонализаціи общественности, ея (интернаціонализаціи) кровавое вступленіе войной, Дѣйствуетъ стихія, но нѣтъ еще сознательныхъ всходовъ, культурнаго плода этого перерастающаго національно-государственныя рамки новаго, расширеннаго, поднявшагося на высшую ступень теченія жизни. Международная воля—международное дѣйствіе—это музыка будущаго, быть-можетъ, и не отдаленнаго, но еще не наступившаго, для приближенія котораго еще надо изрядно поработать, чтобы его взять у исторіи, чтобы его раздобыть—заслужить.

И работая, надо помнить: международная воля—международное дѣйствіе являются въ извѣстномъ смыслѣ отрицаніемъ той воли и того дѣйствія въ національно-государственныхъ рамкахъ, которыя имъ предшествовали. Но они не только отрицаніе ихъ; они въ то же время и ихъ продолженіе, они невозможны безъ своихъ предшественниковъ; они мыслимы

лишь, какъ доразвившійся до своего отрицанія національно - государственный—пролетарскій и иной—патріотизмъ, какъ вершина, вѣнчающая цѣлую гору гражданскихъ переживаній въ національно-государственномъ масштабѣ.

Вотъ почему этотъ шквалъ патріотизма на Западѣ, принесшій такъ много разочарованій и разбившій столько кумировъ, не сдѣлалъ меня пессимистомъ. Какъ бы ни шумѣлъ этотъ шквалъ, неся соръ шовинизма, имперіалистскую шелуху и прочіе отбросы буржуазнаго міра, я знаю—онъ несетъ и свое преодолѣніе. Я знаю: когда уляжется муть, которая поднята шкваломъ, то окажется, что гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде, что только теперь впервые—хотя сколько-нибудь—подготовлена почва для международности.

И потому же, почему я оптимистъ для Запада, я пессимистъ для Востока. Я не вѣрю въ восточный интернаціонализмъ, который, будто бы, процвѣлъ и спасаетъ честь соціализма, между тѣмъ какъ Западъ увялъ и погрузился въ грѣховность. Я съ подозрѣніемъ смотрю на этихъ восточныхъ праведниковъ, несущихъ сейчасъ свое просіянье ума европейскому грѣшному міру, и я твердо храню въ своей памяти, что это не въ первый уже разъ Пошехонье спасаетъ Европу.

Три четверти вѣка назадъ помѣщичье-крѣпостная Россія принялась спасать Европу Бакунинымъ и—черезъ четверть вѣка — доспасала... до уничтоженія дѣтища Маркса, — приснопамятнаго перваго интернаціонала рабочихъ. И тогда же — три четверти вѣка назадъ — впервые началось и наше просіянье ума: отъ славянофиловъ и Герцена вьется тропка къ разработанному впослѣдствіи ученію о томъ, что Россія, минуя капиталистическое развитіе Запада, благодаря своимъ

специфическимъ свойствамъ, прямикомъ-де грядетъ въ соціалистическое царство братства и равенства.

И я чувствую, какъ вновь въ наши дни оживаетъ знакомый курилка — традиціонная россійская отсебятина.

Какъ прежде безъ капитализма мы шли въ соціализмъ, такъ теперь, пренебрежительно отшвыривая патріотизмъ, какъ что-то отжившее, мы уже видимъ себя интернаціоналистами безъ страха и упрека. Мы апплодируемъ тому, что различныя отвѣтственныя лица пролетаріата не рѣшаются выставить знамя обороны, какъ знамя борьбы съ двоякимъ врагомъ; и въ равнодушіи обывателя, которому въ глубокой мѣрѣ безразлично, больше или меньше въ Россіи десятками губерній и доразовьется ли она, все пятясь назадъ, до былого московскаго царства,—склонны усматривать высшій политическій разумъ свѣжеиспеченнаго гражданина міра.

И мы не хотимъ понять, что россійской обывательской массѣ—пролетарской и всякой другой—еще надо поступить въ приготовительный классъ той школы гражданственности, черезъ которую—въ теченіе ста лѣтъ и болѣе—проходила Европа, еще надо предварительно сбросить съ себя первобытную шкуру обывателя-подданнаго восточной полуазіатской страны и ощутить *своимъ* національно-государственное цѣлое, какъ ощущаетъ его европеецъ, чтобы быть въ состояніи дойти до общественнаго международнаго сознанія и общественнаго международнаго чувствованія. Вѣдь, если европеецъ послѣ долгой работы—борьбы въ цѣломъ рядѣ поколѣній, несмотря на всевозможное гражданское строительство крупнаго и малаго размѣровъ, испытавъ и пламя революціи, и незатѣйливую на видъ, но такую отвѣтственную обстановку будней гражданственности, если онъ только теперь прикоснулся къ порогу подлинной международности и все еще находится въ ея преддверіи, то мы съ своей стороны даже не до-

шли и до черты патріотизма, какъ массоваго общественнаго явленія, какъ активнаго гражданскаго чувства.

Ибо патріотизмъ гражданина—одно, а то, что нерѣдко слыветъ за патріотизмъ въ обиходѣ обывателя—совершенно другое.

Патріотизмъ гражданина несетъ—буде нужно—достояніе и жизнь на алтарь своей родины; но патріотизмъ гражданина жертвуетъ всѣмъ и за то, чтобы алтарь и въ самомъ дѣлѣ былъ алтаремъ, а не зазорнымъ свалочнымъ мѣстомъ.

Такъ называемый же патріотизмъ до-гражданскаго обывательскаго состоянія лишь по какому-то недоразумѣнію обозначается словомъ, указующимъ на связь человѣка съ своимъ національно государственнымъ цѣлымъ, съ своей—patria.

Этой-то связи и нѣтъ, потому что нѣтъ реальнаго представленія о томъ, что такое эта patria, отечество, цѣлое. Нѣтъ патріотизма въ собственномъ смыслѣ этого слова, ибо никогда не упражнялось чувство связи индивида съ общественно-политическимъ организмомъ, а есть зоологическая каратаевщина, фаталистическая покорность судьбѣ, безстрашное пріятіе смерти, словомъ, то, что такъ прекрасно выражено Пушкинымъ въ его образѣ раба, безропотно и безтрепетно идущаго—по слову владыки—къ смертоносному Анчару.

Тому назадъ лѣтъ одиннадцать, во время начала японской войны, въ своей статьѣ «О патріотизмѣ», за рубежомъ напечатанной въ «Искрѣ», а въ Россіи перепечатанной въ сборникѣ «За два года», я пытался, съ одной сторны, очертить этотъ зоологическій, каратаевскій quasi-патріотизмъ, нашедшій свое преимущественное выраженіе въ воинской храбрости, и съ другой—прослѣдить генезисъ у насъ въ Россіи гражданскаго патріотизма. И я говорилъ, что русло этого патріотизма постепенно ширится: отъ одиночекъ — слишкомъ сто

лѣтъ назадъ—какъ Радищевъ, черезъ группы декабристовъ мы приходимъ къ различнымъ формамъ и видамъ патріотической гражданственности цѣлаго слоя разночинной интеллигенціи, готовой душу свою положить за други своя, т. е. за преображеніе отечества на началахъ справедливости; и, наконецъ — къ мятущемуся авангарду рабочаго класса, къ широкимъ народнымъ пластамъ. И я пояснялъ, что только эта расширяющаяся струя гражданскаго новаторства и заслуживаетъ у насъ въ Россіи быть названной патріотичной, ибо только эта струя одна въ атмосферѣ всеобщей обывательской аморфности, вопреки предписанію начальства, не занимается подобно всей прочей разносоставной странѣ исключительно дѣломъ приватнымъ, а занята мыслью о родинѣ, поглощена идеей служенія ей...

Съ тѣхъ поръ, какъ изложены были эти мысли моей старой статьи многое стало инымъ въ Россіи: осложнилось, сдвинулось... Промелькнулъ метеоромъ 905-ый годъ, своимъ блескомъ оттѣняя послѣдовавшій за нимъ густѣющій мракъ черной ночи; жили и умирали Государственныя Думы, кое-гдѣ продолжали терпѣться и даже расти отдѣльные побѣги общественной самодѣятельности.

Но основное положеніе статьи остается, мнѣ кажется, нетронутымъ. Думаю даже, что если что и надо измѣнить въ тогдашнихъ моихъ утвержденіяхъ, такъ это развѣ мой оптимистическій взглядъ на растущую струю гражданскаго патріотизма, которая, будто бы, уже добралась до толщи народа и побѣждаетъ его вѣковую аморфность, его традиціонное невѣдѣніе того, что существуетъ на свѣтѣ общественно-политическое цѣлое, которое зовется Россіей и о которомъ надо позаботиться... Жизнь показала за это истекшее десятилѣтіе и еще болѣе за страшный годъ войны, что власть историческаго прошлаго еще гораздо сильнѣе тяготѣетъ надъ нами, чѣмъ мы думали раньше; что мы вла-

чимъ на себѣ не только отсутствіе гражданственности, которое было присуще и всей дореволюціонной Европѣ, но и бремя жестокаго наслѣдія—нашего промежуточнаго, по мысли Плеханова, развитія—чего то средняго между движеніемъ Европы и неподвижностью Азіи. И потому въ Россіи все еще нѣтъ патріотизма, какъ массового явленія; и потому дорваться Россіи до патріотизма, значитъ дорваться до Европы, значитъ стряхнуть съ себя мертвыя объятія азіатчины, значитъ взять огромную метлу въ свои руки и начать выметать изъ Россіи ея многовѣковую нечисть.

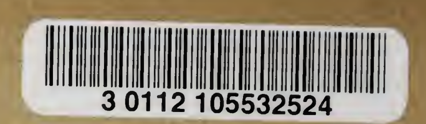
И еще: я одиннадцать лѣтъ назадъ недоцѣнивалъ и то огромное вліяніе, которое эта наслѣдственная наша аморфность производитъ на умы; то растлѣвающее дѣйствіе, какое она способна оказать и на струю новаторства, въ которой я концентрировалъ тогда всю патріотическую гражданственность Россіи. Гражданская аморфность есть гражданская безпочвенность — естественная основа и для безпочвенности мысли, для хроническаго рецидива, давно уже, казалось, умершихъ утопій. Но я не представлялъ себѣ когда-либо, что мертвый можетъ до такой степени хватать живого; что накопленныя цѣнности десятилѣтій работы могутъ съ одного единственнаго раза пойти прахомъ — куда то исчезнуть, и люди, произведшіе значительную часть этой работы, будутъ сами разрушать ее теперь до основанія, въ какомъ то припадкѣ безумія! Что затуманятся самыя ясныя головы, замутятся самые дальнозоркіе глаза и станутъ видѣть миражи, и умудренные опытомъ общественные дѣятели заведутъ рѣчи—какъ о чемъ то, что въ порядкѣ вещей, а не въ порядкѣ чудесъ—о Россіи, еще не доросшей до патріотизма, но уже зажигающей свѣтъ на весь міръ, святымъ духомъ нисходящей на Европу. И эти рѣчи при этомъ не будутъ восприниматься слушателями, какъ издѣвательство надъ нашей бѣдной Россіей!..

Нѣтъ! Я оптимистъ для Запада и пессимистъ для Востока! Можно было бы сойти съ ума въ Россіи, если бы—несмотря на всяческія превратности исторіи—все же не брезжилъ свѣтъ въ европейскомъ окошкѣ и не указывалъ намъ: черезъ патріотизмъ — иного пути нѣтъ — въ международное царство братства и равенства!

Содержаніе.

75 коп.

Того же автора:

„Этюды о русской интеллигенціи“. Сборн. статей. Содержаніе: Артельная эпопея.—О „наслѣдствѣ“ и „наслѣдникахъ“.—О разночинцѣ скитальцѣ.—Что случилось.—Современная весталка. – О двуликой демократіи.—Наши злоключенія. Ц. 1 р. 20 к. Изданіе О. Н. Поповой. Петроградъ.

П. Б. Аксеяльродъ (45 лѣтъ общественной дѣятельности). Содержаніе: Дѣтство.—Кіевскій кружокъ.—Бѣгство за границу.—Редактированіе „Общины“.—Отъ анархизма къ марксизму.—„Группа Освобожденіе Труда“.—30-ые года.—Борьба съ экономизмомъ и берштейніанствомъ.—Основаніе „Искры“ и „Зари“.—Расколъ въ соціалдемократіи и теоретическое обоснованіе меньшевизма.—„Рабочій съѣздъ“ Ц. 25 к. Складъ изданія въ книгоизд. бывш. М. В. Попова, Петроградъ.

Готовится къ печати 2-ой вып. серіи „Война и вопросы международнаго дем. сознанія“—**„Интернаціонализмъ и антинаціональный космополитизмъ“.**